
ЛИССБЕТ КОТЦОВА
РАЗВОД.
Хорошие
БЫВШИЕ

Лиссбет Котцова

Развод. Хорошие бывшие

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Развод. Хорошие бывшие / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Квартиру любовницы моего мужа оплачивала наша семейная компания. Я узнала об этом из отчётности.После шестнадцати лет брака Макар просит меня подождать с разводом. Скоро важная сделка, и мой уход может отпугнуть инвестора. Получается, даже переживать его предательство я должна по удобному ему расписанию.Я ждать не собираюсь. Но у нас двое детей и компания, которую мы строили вместе. Даже после расставания придётся встречаться, принимать общие решения и работать за одним столом.Пётр Веденин, чья проверка привела меня к правде, задаёт неудобные вопросы. Макар всё ещё скрывает, когда началась его вторая жизнь. И я понимаю, что разобраться придётся далеко не только с любовницей.Мы ещё даже не развелись, а уже должны стать хорошими бывшими. Сначала мне нужно узнать, с кем я прожила шестнадцать лет.

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Квартира, которой не должно быть 5
Глава 2. Только развод, дети и работа 15
Глава 3. Два дома 31
Глава 4. Весной? 45
Глава 5. Календарь Юлии 58
Глава 6. Имя, на которое Ася замолчала 69
Глава 7. Кафе 79
Глава 8. Декабрь 90
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Глава 1. Квартира, которой не должно быть

В понедельник утром я нашла в расходах нашей компании квартиру, которой там быть не должно.

Восемь сорок.

Я сидела одна в переговорной M2 Atelier, пила уже холодный кофе и пыталась придумать вежливый ответ людям, собиравшимся вложить в нас очень большие деньги.

Northline прислали очередной список вопросов.

Пётр Веденин умел задавать их так, будто заранее знал, где именно у тебя болит.

«Обосновать длительное размещение внешних консультантов».

Ничего страшного. Нормальный вопрос перед сделкой.

Я открыла папку, которую Олег прислал ещё в пятницу, но тогда у меня не хватило времени добраться до последних страниц.

Договоры.

Акты.

Перелёты.

Проживание.

Консультанты.

Я быстро просматривала строки, пока взгляд не зацепился за знакомую фамилию.

Белова Кира.

Внешний бренд-стратег.

Я прекрасно знала, кто такая Кира.

Мы привлекли её год назад для гостиничного проекта. Она была хороша. Не улыбалась клиенту в надежде продать ему красивое слово, а могла за двадцать минут объяснить, почему его будущему отелю не нужен ещё один «уникальный семейный концепт» с одинаковыми бежевыми номерами.

Мне нравилось с ней работать.

Именно поэтому первая цифра меня не насторожила.

Насторожила дата.

Я придвинула ноутбук ближе.

Сервисная квартира. Санкт-Петербург.

Продление до тридцатого сентября.

Я ещё раз посмотрела на фамилию.

Основной очный блок Киры закончился в июне. После него у неё оставались отдельные задачи, которые спокойно делались удалённо.

Зачем мы третий месяц оплачивали ей квартиру?

Я открыла предыдущий счёт.

Потом ещё один.

Июль.

Август.

Сентябрь.

Три одинаковых платежа.

На краю стола лежал образец светлого известняка, который Илья вчера не убрал обратно в ящик. Я машинально провела ногтем по неровной кромке.

Макар любил говорить, что я вижу пространство целиком, но могу застрять на одном криво поставленном стуле.

Иногда один криво поставленный стул и портил всё пространство.

Я набрала Олега.

Он ответил со второго гудка.

– Доброе утро, Милена.

– Доброе. Ты уже в офисе?

– Да.

– Зайди ко мне. Возьми расходы по Беловой.

Пауза была короткой.

Наверное, любой другой человек её не заметил бы.

Я заметила.

– Все?

– Пока квартиру.

– Хорошо.

Он появился через четыре минуты с ноутбуком под мышкой и сел напротив меня.

Олег Власов нервничал очень профессионально. Не дёргал ногой, не трогал воротник, не начинал говорить быстрее. Наоборот. Чем сильнее ему что-то не нравилось, тем аккуратнее становились формулировки.

Я повернула к нему экран.

– Почему мы оплачиваем ей жильё до конца сентября?

Он посмотрел на строку.

– Продление было согласовано как расход гостиничного направления.

– Кем?

– Макаром.

– Когда?

Олег открыл свой ноутбук.

– Последнее распоряжение было в конце августа.

– Рабочая необходимость?

– В комментарии указано сопровождение текущих и перспективных гостиничных проектов.

– Это я прочитала. Я спрашиваю не комментарий.

Он поднял глаза.

– Я не могу подтвердить объём очной работы, который требовал бы постоянного проживания в Петербурге.

Вот теперь кофе окончательно стал противным.

– Ты спрашивал Макара?

– В июле.

– И?

– Он сказал, что присутствие Киры понадобится для нескольких переговоров и что дешевле сохранить квартиру, чем регулярно оплачивать гостиницу.

– Нескольких переговоров за три месяца?

– Я попросил уточнение.

– И получил?

Олег чуть развернул ноутбук ко мне.

– Получил список гостиничного pipeline.

Я пробежала глазами названия.

Часть знала.

Часть пока существовала только на уровне разговоров.

– Пётр видел это?

– Не в таком виде. Northline запросили общий массив расходов. Поэтому вопрос и появился.

Я откинулась на спинку стула.

– То есть Веденин увидел квартиру раньше меня.

– Нет. Он увидел категорию расходов. Конкретизацию подняли мы.

Уточнение было настолько олеговским, что в другое утро я бы усмехнулась.

Сегодня не получилось.

– Хорошо. Что ещё привязано к этим датам?

– В каком смысле?

– В прямом. Если человек три месяца живёт за счёт компании, у компании должна быть причина. Переговоры, встречи, поездки. Подними всё рядом.

Олег не спросил зачем.

Через десять минут между нами лежали распечатки, в которых пока не было ничего, за что можно было ухватить человека за руку.

Такси.

Рестораны.

Представительские расходы.

Несколько поездок Макара.

Всё объяснимо.

Почти.

Я смотрела на даты.

Потом на адрес квартиры.

Потом снова на даты.

– Вот это такси.

Олег наклонился.

– Что с ним?

– Адрес назначения.

– Да.

– И вот это.

– Тот же район.

– И это.

Он молчал.

Я открыла корпоративный календарь.

В один из вечеров у Макара стояла «встреча с клиентом».

В другой – «гостиничное направление».

В третий – свободное окно после семи.

Три вечера.

Один адрес.

Жильё внешнего консультанта, которое продолжала оплачивать наша компания.

Я почувствовала неприятное давление под рёбрами и сразу разозлилась на себя.

Три такси не были изменой.

Квартира не была изменой.

Мужчина мог приезжать к женщине по работе.

Даже вечером.

Даже несколько раз.

Даже если эта женщина жила в квартире, которую он лично распорядился продолжать оплачивать.

Можно было придумать десяток нормальных объяснений.

Макар придумал бы двадцать.

И именно эта мысль заставила меня открыть мессенджер не с его именем.

С именем Юлии.

– Юля, зайдёшь?

Она появилась почти сразу.

В руках телефон, на лице привычное спокойствие человека, который годами управлял графиком Макара и давно научился не удивляться тому, что взрослые люди называют срочным.

– Да, Милена.

– Мне нужно проверить несколько старых встреч.

Я назвала первую дату.

Юлия посмотрела в календарь.

– После шести у Макара была встреча по гостиничному направлению.

– С кем?

– Контакт не указан.

– Кто ставил?

– Он сам.

– Адрес есть?

Она провела пальцем по экрану.

– В календаре нет. Есть заказ машины.

Юлия открыла другое приложение.

Назвала адрес.

Тот же.

У меня похолодели пальцы.

Я назвала вторую дату.

На этот раз она посмотрела на меня прежде, чем ответить.

– Там тоже машина.

– Куда?

Тот же адрес.

– А третья?

Юлия проверила.

– В календаре стоит клиентское окно.

– Какой клиент?

– Не указан.

– Машина?

Она снова назвала тот же адрес.

Я закрыла ноутбук.

Слишком резко.

Олег посмотрел на мои руки.

Юлия – на закрытый экран.

Никто из них не произнёс того, что уже появилось в комнате.

И я была им за это благодарна.

– Юля, Макар сегодня где?

– В десять у него встреча вне офиса. Потом он должен быть здесь к двенадцати тридцати.

– С кем встреча?

– Там контакт указан. Я могу переслать.

– Не надо.

Она задержалась на секунду.

– Ещё что-нибудь?

– Нет. Спасибо.

Юлия вышла.

Олег остался.

Я видела, что он хочет что-то сказать, и видела, как решает не говорить.

– Ты знал? – спросила я.

Он даже не сделал вид, что не понял.

– О личных отношениях Макара с Кирой?

Сухая формулировка резанула сильнее любого «об измене».

– Да.

– Нет.

– Подозревал?

На этот раз он ответил не сразу.

– Я считал расходы недостаточно прозрачными.

– Это не ответ.

– Другого у меня нет.

Я встала.

За стеклянной стеной офиса шла обычная жизнь.

Илья спорил с кем-то над визуализацией.

Софья несла две чашки кофе и на ходу читала сообщение.

На большом экране в общей зоне сменялись фотографии наших объектов.

Ресторан на Крестовском.

Небольшой отель в Карелии.

Лобби, за которое мы получили первую серьёзную отраслевую премию.

Шестнадцать лет брака.

Почти столько же общей работы.

Всё это почему-то продолжало стоять на своих местах.

Меня раздражало именно это.

– Не звони Макару, – сказала я.

Олег нахмурился.

– Я не собирался.

– Хорошо.

– Куда ты?

Я взяла сумку.

– Посмотреть, за что М2 платит деньги.

Он снял очки.

– Милена.

Я остановилась.

– Что?

– Если речь о корпоративном расходе, могу поехать с тобой.

– Если речь о корпоративном расходе, я справлюсь.

– А если нет?

Я посмотрела на него.

– Тогда тем более.

В одиннадцать двадцать я стояла перед дверью квартиры и впервые за всё утро позволила себе подумать, что могу ошибаться.

Мне почти захотелось ошибиться.

Пусть Кира откроет дверь с ноутбуком в руках.

Пусть внутри сидят три клиента.

Пусть на столе лежат мудборды, договоры, образцы текстиля.

Пусть она удивится моему приезду и за пять минут объяснит, зачем М2 оплачивает её жильё.

Я извинюсь.

Вернусь в офис.

Поссорюсь с Макаром из-за расходов.

Вечером помогу Льву собрать рюкзак, напомню Асе про репетитора и скажу мужу, что Веденин опять роет землю под нашими ногами.

Нормальный понедельник.

Я нажала звонок.

За дверью послышались шаги.

Кира открыла почти сразу.

На ней были тёмные брюки и простая белая футболка. За её спиной на столе действительно стоял открытый ноутбук.

Рядом лежала папка с логотипом одного из наших гостиничных проектов.

На кухонной стойке сохла чашка.

Одна.

Никакой рубашки Макара на спинке стула.

Никаких двух бокалов.

Никакой дешёвой сцены, которую можно было бы возненавидеть вместо собственной жизни.

Кира побледнела.

– Милена.

Не вопрос.

Она знала меня достаточно хорошо, чтобы не уточнять, кто я.

– Добрый день.

Её пальцы сильнее сжали ручку двери.

– Макар сейчас не здесь.

Вот и первое объяснение, которого я не просила.

– Я приехала не за Макаром.

– Тогда…

Она посмотрела за моё плечо, будто ожидала увидеть там бухгалтера, юриста или пожарных.

– Я из-за квартиры.

Кира замерла.

А потом произошло то, ради чего мне не понадобились ни телефон Макара, ни фотография, ни чужое признание за моей спиной.

Она облегчённо выдохнула.

– Хорошо. Я так и подумала. Макар сказал, что после сделки переведёт её на себя.

Я не сразу поняла смысл слов.

– На себя?

– Да. Чтобы больше не проводить через компанию. Я сама говорила, что так нельзя продолжать.

Она осеклась.

Слишком поздно.

В коридоре пахло свежим кофе и чем-то цитрусовым. На узкой консоли у двери лежала карточка от домофона.

Я смотрела на неё, потому что смотреть на Киру стало трудно.

Не больно.

Именно трудно.

Будто глаза отказывались правильно собирать изображение.

– Что именно нельзя продолжать? – спросила я.

Кира медленно отпустила дверную ручку.

– Милена…

– Я задала вопрос.

Она помолчала.

– Вы правда не знаете?

Интересно, какой ответ она хотела услышать.

Я подняла на неё глаза.

– Чего?

Лицо Киры изменилось.

Не торжество.

Не злость.

Страх человека, который только что понял, что стоял не в той версии разговора.

– Он сказал, что поговорит с вами сам.

– О квартире?

– Нет.

Я ждала.

Она тоже.

Это длилось секунды три, но в них успели поместиться восемнадцать лет моей жизни с Макаром.

– О разводе, – сказала Кира.

Где-то этажом ниже хлопнула дверь лифта.

Я машинально отметила, что одна плитка у её порога лежала чуть выше остальных.

Такие вещи я всегда замечала.

Даже сейчас.

Особенно сейчас.

– О чьём разводе?

Кира закрыла глаза.

Только на мгновение.

– Вашем.

Я кивнула.

Очень спокойно.

Наверное, слишком спокойно, потому что она вдруг сделала шаг ко мне.

– Милена, я не хотела, чтобы вы узнали так.

– Как?

Она остановилась.

– От меня.

– А как я должна была узнать?

Кира не ответила.

– После сделки? – спросила я.

Она посмотрела на меня.

Этого оказалось достаточно.

– С какого момента вы с моим мужем не только работаете?

– Я не думаю, что сейчас…

– С какого момента?

Она сцепила пальцы перед собой.

– Это не несколько недель.

Я почувствовала, как ногти впились в ладонь.

– Я не спрашивала, сколько это не длится.

– Давно.

– Это слово ничего не значит.

– Я не буду называть вам даты без Макара.

Вот здесь в её голосе наконец появилась твёрдость.
Я даже оценила.
– Почему?
– Потому что он должен сам отвечать за то, что говорил вам.
– А мне?
Кира нахмурилась.
– Что?
– Мне он что говорил?
– Милена…
– Вы знали, что он женат.
– Да.
Прямо.
Без попытки спрятаться.
– И?
Она сглотнула.
– Он говорил, что ваш брак давно закончился.
Я чуть повернула голову.
– Когда именно?
– Что?
– Когда он закончился?
Кира молчала.
– Мне интересно. Я, видимо, пропустила.
– Он сказал, вы живёте вместе ради детей и компании.
– И я об этом знаю?
Теперь ей стало по-настоящему неуютно.
– Он говорил, что вы оба понимаете ситуацию.
Я достала телефон.
На экране было одиннадцать сорок одна.
Ни одного пропущенного от Макара.
Пока.
– Значит, вы ждали, что он уйдёт после сделки.
– Да.
Она ответила слишком быстро.
Потом добавила:
– Я больше не согласна ждать бесконечно.
Не жалоба.
Предупреждение.
Наверное, предназначенное не мне.
– А компания всё это время оплачивает квартиру.
– Не всё время. Сначала квартира действительно была нужна для работы.
– А потом?
Кира посмотрела в сторону комнаты.
– Макар сказал, что пока лучше ничего не менять.
Конечно.
Лучше ничего не менять.
Самая удобная архитектура на свете.
Оставить стены там, где они стоят, даже если за ними уже живёт другая семья.
Мой телефон завибрировал.
Макар.

Кира увидела имя на экране.
Я посмотрела на неё.
– Вы ему написали?
– Да.
– Быстро.
– Я не собираюсь делать вид, что вас здесь не было.
– Хоть в чём-то мы совпали.
Она вздрогнула, но я уже нажала на вызов.
– Милена, ты где?
Ни «что случилось».
Ни «ты в порядке».
– Доброе утро, Макар.
– Кира написала, что ты приехала к ней. Зачем?
Я посмотрела на Киру.
Она отвела глаза.
– Проверяю расходы компании.
Тишина.
Всего полсекунды.
– Давай без этого.
– Без чего?
– Ты понимаешь.
– Нет. Сегодня у меня с пониманием плохо. Объясни.
Он шумно выдохнул.
– Не по телефону.
– Согласна.
– Я сейчас подъеду.
– Не надо.
– Милена.
Тот самый голос, которым Макар годами возвращал переговоры под свой контроль.
Спокойный.
Тёплый.
Чуть усталый.
Убедительный.
Когда-то я считала его одной из причин, почему мы так хорошо работаем вместе.
– В шесть вечера, – сказала я. – Дома.
– Хорошо. Я всё объясню.
– Не всё.
Он замолчал.
– Что значит «не всё»?
– Мне не нужно объяснение вашего романа.
Кира отвернулась к окну.
– Милена, пожалуйста, не руби сейчас с плеча.
– Я ничего не рублю.
– Тогда поезжай в офис. Мы спокойно поговорим вечером.
– О разводе.
На этот раз молчание длилось дольше.
– Ты сейчас в шоке.
– Возможно.
– Поэтому не принимай решений.

– Я уже приняла.

– За десять минут у чужой двери?

Я посмотрела внутрь квартиры.

Нашей квартиры.

Оплаченной М2.

Чужой квартиры.

– Нет, Макар. За то время, пока ты строил жизнь, о которой забыл мне сообщить.

– Ты не знаешь всей ситуации.

– И больше не собираюсь узнавать её от тебя как единственного источника.

Он резко сменил тон.

– Милена, послушай меня. Сейчас нельзя устраивать развод.

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Не «я люблю тебя».

Не «прости».

Не «что я сделал».

– Почему?

– Потому что у нас сделка. Northline сейчас смотрит каждый документ, каждый риск. Если информация пойдёт наружу, они начнут задавать вопросы о компании, об управлении, о нас. Ты понимаешь, чем это может закончиться?

Я открыла глаза.

Кира стояла в двух метрах от меня и смотрела в пол.

Интересно, ей он говорил то же самое?

Нет.

Не сейчас.

Это был вопрос для другого дня.

– В шесть, Макар.

– Милена, никаких резких движений до разговора.

– В шесть мы обсудим три вещи.

– Какие ещё три вещи?

– Развод. Детей. Работу.

– Ты меня вообще слышишь? Я говорю тебе о сделке.

– Слышу.

Я посмотрела на дверь квартиры, которую наша компания собиралась оплачивать ещё двадцать три дня.

– Именно поэтому разговор о работе будет третьим.

И отключилась.

Глава 2. Только развод, дети и работа

К половине второго я успела сделать три вещи.

Вернуться в офис.

Выбросить нетронутый кофе.

И понять, что ненавижу слово «потом».

Потом поговорим.

Потом разберёмся.

После сделки.

Когда дети подрастут.

Когда станет спокойнее.

Восемнадцать лет брака оказались набиты этим «потом», как старый шкаф вещами, которые никто не носит, но выбросить жалко.

Я закрыла дверь кабинета и открыла таблицу полномочий по текущим проектам.

Не переписку Макара.

Не фотографии.

Не историю его звонков.

Таблицу.

В ней всё было значительно честнее.

Кто согласовывает подрядчика.

Кто утверждает дополнительные расходы.

Кто принимает изменения по авторскому надзору.

Кто может подписать внеплановый платёж в пределах проектного бюджета.

Последние годы я почти не смотрела на эти колонки.

Моя зона была простой: пространство, архитектура, команда, клиентская концепция. Макар занимался коммерческой частью. Если требовалось срочно решить вопрос с деньгами, он решал.

Это было удобно.

Пока однажды утром я не обнаружила, что в понятие «решал» прекрасно помещается квартира любовницы.

Я выделила строки по трём проектам, которыми руководила лично.

Поменяла порядок внутреннего согласования.

Все внеплановые расходы по моему контуру теперь проходили через меня и Олега.

Без единоличного решения генерального директора.

Палец завис над кнопкой «сохранить».

Так просто.

Одна ячейка.

Два новых согласующих.

Наверное, человеку со стороны это показалось бы смешным наказанием за измену.

Я не наказывала.

Я закрывала дверь, через которую уже однажды вошла чужая жизнь.

Нажала.

Через минуту позвонил Олег.

– Увидел изменения.

– Они вступают в силу сегодня.

– Я понял.

– Есть технические проблемы?

– Нет.

Вот поэтому я ценила Олега. Когда требовалось обсуждать процесс, он обсуждал процесс.

– Тогда разошли тем, кому нужно.

– Макару тоже?

Я посмотрела на экран.

– В первую очередь.

Он помолчал.

– Хорошо.

Звонок закончился.

Я открыла папку Northline.

На верхнем письме стояло имя Петра Веденина.

До сегодняшнего утра он раздражал меня исключительно профессионально.

Теперь его запрос по расходам приобрёл почти личную наглость, хотя человек понятия не имел, что именно нашёл.

Я перечитала вопрос.

«Просим пояснить продолжительное использование корпоративного жилья внешними консультантами и подтвердить деловую необходимость расходов после завершения основного этапа работ».

Хороший вопрос.

Прекрасный.

Можно было поставить в рамку и повесить в нашей супружеской спальне.

Телефон мигнул.

Макар.

Я перевернула его экраном вниз.

Через несколько секунд телефон снова завибрировал.

Потом ещё раз.

Я не отвечала.

Не потому, что хотела его наказать молчанием.

Я просто уже назначила время.

Шесть вечера.

Развод.

Дети.

Работа.

Всё остальное он мог обсудить с человеком, которому обещал будущую жизнь после сделки.

В дверь постучали.

Софья вошла, не дожидаясь ответа, поставила передо мной стакан воды и села.

Без кофе.

Значит, вид у меня был хуже, чем я думала.

– Что случилось?

Я взяла стакан.

Вода была холодной.

– Мне нужно перестроить часть внутренних согласований.

– Уже заметила.

– Тогда половина разговора закончена.

Софья смотрела на меня поверх тонкой оправы очков.

Сорок лет. Короткая стрижка. Тёмно-синий жакет, который она называла униформой человека, отвечающего за чужую неспособность читать календарь.

– А вторая половина?

Я провела ладонью по столу.

На деревянной поверхности остался светлый круг от утренней чашки.

– Мы с Макаром разводимся.

Софья не сказала «что?».

Не переспросила.

Не попыталась убедиться, правильно ли услышала.

Она просто перестала двигаться.

И это оказалось страшнее любого удивления.

– Сегодня? – спросила она.

– Решение сегодня.

– Он знает?

– Теперь знает.

Софья чуть откинулась на спинку стула.

– Дети?

– Ещё нет.

– Команда?

– Нет. И пока не должна.

– Northline?

– Тем более.

– Хорошо.

Я посмотрела на неё.

– Ты даже не спросишь почему?

– Если ты захочешь сказать, скажешь.

Правильный ответ.

Настолько правильный, что меня внезапно разозлило.

– У него другая женщина.

Софья опустила взгляд на стакан передо мной.

Только на секунду.

– Понятно.

– Нет. Мне вот как раз не очень.

– Я не это имела в виду.

– Знаю.

Я сделала глоток.

– Кира Белова.

Теперь пауза стала длиннее.

Софья сняла очки и аккуратно положила их на стол.

– Наша Кира?

– Не думаю, что мне хочется использовать притяжательное местоимение.

– Прости.

– Не за что.

Она смотрела на меня внимательно, и я вдруг поняла, что не хочу видеть в её лице ни жалость, ни догадку, ни попытку восстановить прошлое быстрее меня.

– Мне сейчас нужен операционный директор, Соня.

– Он у тебя есть.

– Тогда слушай. Личную часть мы не обсуждаем. По работе Макар с сегодняшнего дня не утверждает расходы моего проектного контура без второго согласования. То же касается внешних консультантов. Я собираю полный пакет документов по своей зоне сама.

– Хорошо.

– Любые изменения, которые он попросит провести задним числом, сначала ко мне.

– Хорошо.

– Если он попытается объяснить тебе, что я в шоке и завтра передумаю…

Уголок её рта дёрнулся.

– Я операционный директор, а не семейный реаниматолог.

Я впервые за день почти улыбнулась.

Почти.

– Спасибо.

Софья надела очки.

– Есть одна проблема.

– Какая?

– Вы вдвоём владеете компанией, которую последние десять лет продавали как продолжение собственного брака.

– Я помню.

– Нет, сейчас я не о маркетинге. Если вы начнёте блокировать решения друг друга, это почувствуют раньше, чем узнают причину.

– Я не собираюсь блокировать работу.

– Он тоже так скажет.

– Поэтому у нас будут правила.

– И кто их устанавливает?

Я посмотрела на неё.

– Сегодня? Я.

Софья выдержала взгляд.

– Тогда запиши их. Не держи в голове. Иначе завтра каждый будет помнить разговор по-своему.

Она встала.

У двери остановилась.

– Мил.

– Что?

– Ты сегодня домой одна не едешь?

– Это мой дом.

– Я не это спросила.

– Я поняла.

Софья кивнула и вышла.

Я ещё несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь.

А потом открыла новый документ.

«Временный порядок внутренних согласований».

Слово «временный» мне не понравилось.

Я удалила его.

В три двадцать Макар появился в офисе.

Я услышала его раньше, чем увидела.

Он здоровался с командой тем же голосом, каким здоровался вчера, неделю назад, год назад.

Кто-то спросил про встречу.

Он ответил шуткой.

Кто-то рассмеялся.

Я сидела за стеклом и смотрела, как мой муж проходит через пространство, которое мы создавали вместе, будто сегодня утром ничего не произошло.

Он был в серой рубашке, которую я покупала ему в Милане два года назад.

Дурацкая память.

Из всего огромного дня она вытащила именно рубашку.

Я помнила магазин.

Помнила дождь.

Помнила, как Макар потом ворчал из-за цены и носил её чаще всех остальных.

Не знала, сколько раз он надевал её к Кире.

Я отвернулась к монитору.

Через минуту дверь открылась.

Без стука.

Конечно.

– Ты почему не отвечаешь?

Я продолжила читать письмо.

– Потому что мы договорились на шесть.

– Милена, это уже не только личное.

– Я заметила.

Он закрыл дверь.

– Ты изменила систему согласований.

– Да.

– Без разговора со мной.

Я подняла глаза.

– Ты сейчас серьёзно выбрал именно эту претензию?

Макар сжал губы.

– Я говорю про компанию.

– И я.

– Ты ограничила полномочия генерального директора в середине сделки.

– В моём проектном контуре.

– Это всё равно выглядит как управленческий конфликт.

– У нас есть управленческий конфликт.

– Которого вчера не было.

– Вчера просто я о нём не знала.

Он подошёл ближе.

– Давай не будем смешивать.

Я рассмеялась.

Коротко.

Без веселья.

– Макар, компания три месяца оплачивает квартиру женщине, с которой ты спишь. Это ты смешал. Я сейчас разделяю.

Он быстро оглянулся на стеклянную стену.

Никто на нас не смотрел.

По крайней мере открыто.

– Тише.

– Дверь закрыта.

– Здесь офис.

– Именно.

Он поставил ладони на стол.

– Ты хочешь, чтобы я извинился?

– Нет.

– Тогда чего ты хочешь?

– В шесть.

– Господи, Милена.

Он выпрямился.

– Мы восемнадцать лет вместе, а ты разговариваешь со мной как с подрядчиком, который сорвал сроки.

– Подрядчику я бы сначала выставила претензию.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

– Отлично. Вот так и будем?

– На работе – да.

– А дома?

– В шесть узнаешь.

– Я уже знаю. Ты объявила развод через пять минут после разговора с Кирой.

– Не через пять.

– Не цепляйся.

– Ты всегда так говоришь, когда точность тебе мешает.

Он отвёл взгляд.

Попал.

– Хорошо. Я уеду. Но новые ограничения надо обсудить.

– Софья пришлёт тебе документ.

– Софья?

– Она операционный директор.

– Ты уже рассказала ей?

– Не подробности.

– Сколько человек теперь знают?

Я посмотрела на него.

– Тебя беспокоит количество?

– Меня беспокоит компания.

– Я заметила это ещё утром.

Он провёл рукой по волосам.

– До шести.

– До шести.

Макар взялся за ручку двери, но не открыл.

– Я не хотел, чтобы ты узнала так.

Я посмотрела на его спину.

Вторая за день одинаковая фраза.

Удивительно, как люди, которые долго лгут друг другу, начинают говорить одними словами.

– А как ты хотел?

Он не повернулся.

– Нормально.

– Когда?

Молчание.

– После сделки? – спросила я.

Его пальцы сильнее сжали ручку.

Потом дверь открылась.

Он вышел.

Ответ мне уже не требовался.

В шесть ноль семь Макар вошёл в квартиру.

Опоздал на семь минут.

Я почему-то заметила.

Ася была у себя.

Лев тоже возился в своей комнате, время от времени что-то роняя с тем особым грохотом, который умели производить только девятилетние мальчики.

Наш разговор ждал кухни.

На столе стояли две тарелки с ужином.

Я приготовила его вчера вечером.

Тогда я ещё не знала, что сегодня буду разогревать еду мужчине, которого выгнала из спальни раньше, чем он успел объяснить мне, почему завёл любовницу.

Макар снял пиджак и положил его на спинку стула.

Не повесил.

Я всегда просила не класть вещи на кухонные стулья.

Сегодня меня это почти рассмешило.

Вот она, нормальная семейная жизнь.

Жена нашла любовницу.

Муж кладёт пиджак не туда.

– Дети ели? – спросил он.

– Да.

– Они что-нибудь заметили?

– Ася спросила, почему я приехала днём домой.

– Что ты сказала?

– Что плохо себя чувствую.

Он нахмурился.

– Зачем врать?

Я посмотрела на него.

Макар закрыл глаза.

– Да. Понял.

Он сел.

Я осталась стоять.

– Милена, давай сначала…

– Развод, дети, работа.

– Я помню твой список.

– Отлично.

– Но прежде чем мы начнём делить жизнь на пункты, можно я скажу…

– Нет.

Он замолчал.

– Ты даже не хочешь услышать?

– Что именно? Что ты запутался? Что это произошло случайно? Что мы давно отдалились? Что Кира тебя понимает? Что ты не хотел причинить мне боль?

– Я не собирался говорить половину из этого.

– Тогда сэкономили время.

– Ты сейчас специально делаешь всё, чтобы я не мог до тебя достучаться.

– Правильно.

– Почему?

Я села напротив.

– Потому что утром выяснилось, что человек, которого я восемнадцать лет считала самым близким, способен месяцами создавать для меня отдельную реальность. Поэтому сегодня твоё желание «достучаться» не входит в список моих проблем.

Макар медленно выдохнул.

– Хорошо. Развод.

– Да.

– Я не согласен принимать такое решение сегодня.

– Тебе не нужно соглашаться с моим решением больше быть твоей женой.

– Мы не подростки.

– Мне тридцать девять. Я в курсе.

– У нас двое детей.

– Поэтому следующий пункт – дети.

– Вот именно. Ты понимаешь, что для них это будет?

– А ты понимал?

Он ударил ладонью по столу.

Негромко.

Но тарелка дрогнула.

– Да хватит!

Из коридора донёсся звук открывшейся двери.

Мы оба замерли.

Через несколько секунд Лев крикнул:

– Мам, у меня зарядка не работает!

Я закрыла глаза.

– В верхнем ящике письменного стола запасная!

– Где верхний?

– Самый верхний, Лев!

– А.

Дверь снова закрылась.

Макар опустил голос.

– Вот об этом я говорю.

– О зарядке?

– О детях.

– Нет. Ты говоришь о том, что дети должны стать причиной, по которой я отложу твои последствия.

– Я говорю, что им не обязательно прямо завтра терять семью.

– Они её не теряют.

– Милена…

– У них остаются мать и отец. Только отец теперь будет жить отдельно.

– Ты уже решила и это.

– Да.

– Где?

– Выберешь сам.

Он откинулся на спинку стула.

– То есть сегодня ты хочешь выставить меня из моего дома.

– Сегодня я хочу, чтобы ты не ночевал со мной под одной крышей.

– Здесь мои дети.

– И завтра они всё ещё будут твоими детьми.

– Я могу лечь в кабинете.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не хочу проснуться ночью и вспомнить, что ты лежишь за одной стеной.

Первая фраза за весь разговор, в которой мой голос подвёл.

Совсем чуть-чуть.

Макар услышал.

Конечно услышал.

Его лицо сразу стало другим.

Мягче.

Он протянул руку через стол.

Я убрала свою.

– Не надо.

Он остановился.

– Мил.

– Нет.

– Я люблю тебя.

Я посмотрела на его пальцы, лежащие между нами.

Обручальное кольцо.

Тонкая царапина возле края.

Я знала, откуда она.

Пятнадцать лет назад он собирал детскую кроватку для Аси и сорвал отвёртку.

Мы тогда смеялись минут десять, потому что кроватку привезли за месяц до родов, а Макар заявил, что ребёнок не имеет права появиться в доме с мебелью, собранной посторонним человеком.

Я помнила всё это.

И от памяти стало хуже, чем от Кириной квартиры.

Потому что любовь не исчезла к вечеру.

Она просто перестала быть аргументом.

– Возможно, – сказала я.

Он растерялся.

– Что значит «возможно»?

– Я допускаю, что ты меня любишь.

– Тогда…

– И это ничего не меняет.

Макар смотрел на меня так, будто я нарушила физический закон.

– Как может не менять?

– Вот так.

– Люди ошибаются.

– Ты не перепутал двери.

– Я знаю.

– Не один раз напился и проснулся в чужой постели.

– Я этого и не говорил.

– Ты устроил отдельную жизнь. В рабочей квартире. На деньги компании.

– Это не так.

Я замерла.

– Что именно?

– Квартира изначально была рабочей.

– А потом?

– Потом ситуация изменилась.

– Какая удобная формулировка.

– Я собирался компенсировать личную часть.

– Когда?

Он потёр переносицу.

– Милена, пожалуйста.

– Когда?

– До закрытия сделки.

Я тихо засмеялась.

– Конечно.

– Не передёргивай.

– Я сегодня целый день слышу одну дату. После сделки ты собирался перевести квартиру на себя. После сделки Кира ждала, что ты уйдёшь. Теперь оказывается, после сделки ты собирался компенсировать деньги. Что ещё у тебя назначено после сделки? Честность?

– Я хотел разобраться.

– С кем?

Он промолчал.

– С Кирой? Со мной? С собой? Выбери хоть один вариант.

– С нами.

– «Нас» больше нет.

Он резко встал.

– Не говори так.

– Почему?

– Потому что это неправда.

– У тебя почти год отношения с другой женщиной, а неправда – мой развод?

– Не почти год.

Я замолчала.

Вот оно.

Не признание.

Поправка.

Та самая мужская надежда, что если катастрофу измерить меньшим количеством месяцев, она станет аккуратнее.

– Сколько?

– Милена…

– Ты сам только что поправил меня. Значит, знаешь.

Он снова сел.

– Всё началось весной.

Я смотрела на него.

– Какой весной?

– Этой.

– Месяц.

– Какая разница?

– Огромная. Ты только что заявил, что я преувеличиваю срок.

– В апреле.

Он сказал это после короткой паузы.

Слишком короткой, чтобы вспоминать.

Достаточно длинной, чтобы выбрать ответ.

– В апреле, – повторила я.

– Да.

– И до апреля между вами ничего не было?

Макар отвёл взгляд к окну.

– Мы общались по работе.

– Я не это спросила.

– Ничего не было.

– Поцелуев?
Его челюсть напряглась.
– Нет.
– Переписки?
– Рабочая.
– Встреч вне работы?
– Милена, ты собираешься устраивать допрос?
– Нет. Я собираюсь запомнить твою версию.
Он посмотрел на меня.
– Что это значит?
– Ровно то, что я сказала. Весна. Апрель. До этого ничего не было.
– Да.
– Хорошо.
Почему-то именно это «хорошо» его испугало.
– Ты мне не веришь.
– Нет.
– Тогда зачем спрашивала?
– Потому что теперь я знаю, что именно проверять.
Он провёл ладонями по лицу.
– Господи. Мы правда до этого дошли?
– Мы?
Макар опустил руки.
– Да, мы. Наш брак последние два года был…
Он остановился.
– Был каким?
– Тяжёлым.
– Согласна.
– Мы почти не виделись.
– Мы каждый вечер приходили в один дом.
– Ты понимаешь, что я имею в виду.
– Конечно. Я просто снова мешаю тебе точностью.
Он встал и прошёл к окну.
– Ты жила проектами.
– А ты?
– Я тоже работал.
– И Кира случайно оказалась очень удобным видом переработки.
Он повернулся.
– Я не перекладываю на тебя ответственность.
– Уже перекладываешь.
– Я объясняю, как мы до этого дошли.
– Нет, Макар. До усталости в браке мы дошли вдвоём. До Киры дошёл ты.
Он замолчал.
На кухне стало так тихо, что я услышала воду в трубах.
– Между нами к весне почти ничего не осталось, – сказал он наконец.
Вот теперь боль была чистой.
Без квартиры.
Без счетов.
Без Northline.

Я смотрела на человека, который шестнадцать лет был моим мужем, и пыталась вспомнить апрель.

Ася тогда простудилась перед школьной поездкой.

Лев потерял сменную обувь.

Мы с Макаром спорили из-за проекта в Карелии.

В субботу ездили выбирать ему новые очки.

В воскресенье он жарил сырники и ругался, что я опять отвечаю клиенту за завтраком.

В конце месяца мы занимались любовью.

Я не собиралась говорить ему последнее.

Не потому, что стыдилась.

Потому что вдруг поняла: он знает.

Он тоже там был.

– Почти ничего? – спросила я.

– Я не про физическое.

– А про что?

– Про нас. Ты давно была где-то отдельно.

Я медленно встала.

Подошла к холодильнику.

На дверце висел магнит с рисунком Льва.

Четыре человечка под огромным синим облаком.

Он нарисовал его прошлой весной.

Макар тогда сказал, что у меня слишком длинные ноги.

Я сказала, что ребёнок просто объективен.

Мы смеялись.

Почти ничего.

– Вот что мы сделаем, – сказала я.

– Милена…

– Нет. Теперь ты послушаешь. Сегодня ты собираешь вещи на несколько дней и ночуешь не здесь.

– Я уже сказал…

– Завтра мы разговариваем с детьми.

– Завтра?

– Чем дольше мы делаем вид, тем больше они почувствуют, что им врут.

– Мы ещё сами не решили.

– Я решила.

– Ты не можешь одна решить судьбу семьи.

Я повернулась к нему.

– Могу решить судьбу собственного брака.

Он открыл рот.

Я не дала ему начать.

– Детям мы не рассказываем о Кире. Не делаем их судьями. Не говорим, что папа «ушёл к другой женщине». Не просим выбирать. Не используем их, чтобы передавать сообщения. Ты остаёшься их отцом.

– Спасибо за разрешение.

– Не начинай.

– Это ты сейчас рассказываешь мне правила общения с моими детьми.

– Потому что пять минут назад пытался использовать их, чтобы я отложила развод.

Он отвернулся.

– Хорошо.

– По работе всё остаётся в утверждённых границах. Ты не проводишь единоличные расходы через мои проекты. Никаких старых согласований задним числом. Никаких попыток договориться с Олегом или Софьей отдельно от меня по моей зоне.

– Ты мне совсем не доверяешь?

Я посмотрела на него.

Он сам понял.

– Глупый вопрос, – сказал он.

– Очень.

– Я прекращу отношения с Кирой.

Я молчала.

Макар ждал.

– Ты слышала?

– Да.

– И?

– Что «и»?

– Тебе вообще всё равно?

– Нет.

Это было правдой.

Мне не было всё равно.

От одной мысли, что он сейчас позвонит Кире и скажет ей, что между ними всё закончено, во мне поднималось что-то тёмное и унизительное.

Не радость.

Не победа.

Желание, чтобы прошлое немедленно вернулось на место.

Чтобы другой женщины не существовало.

Чтобы утро можно было отменить.

Чтобы Макар сегодня лёг рядом, ночью ткнулся холодными ступнями в мои ноги, а завтра мы ругались из-за его вечных звонков за завтраком.

Я хотела этого так сильно, что пришлось ухватиться пальцами за край кухонной стойки.

– Мне не всё равно, – повторила я. – Но ты не должен заканчивать с Кирой ради меня.

– А ради кого?

– Это уже не мой вопрос.

– Ты моя жена.

– Пока юридически.

Его лицо побелело.

– Не говори так.

– А как тебе удобнее?

– Я не знаю. Хотя бы не так, будто мы уже чужие.

– Мы и не чужие.

Я посмотрела на магнит Льва.

На пиджак Макара.

На две тарелки, к которым никто не притронулся.

– В этом и проблема.

Он подошёл ближе.

Остановился в шаге.

– Дай мне месяц.

– Нет.

– До тридцатого октября.

Я чуть не улыбнулась.

– Конечно.

– Это не то, что ты думаешь.

– Я думаю, что ты просишь оставить тебе жену ещё на семь недель, потому что инвестору неудобен разведённый генеральный директор.

– Я прошу не разрушать всё окончательно, пока мы не можем позволить себе хаос.

– Брак разрушила не дата подачи документов.

– Ты знаешь, о чём я.

– Знаю. Ты снова говоришь про тайминг.

Он понизил голос:

– Если Northline выйдет из сделки, пострадаем не только мы. Там команда. Обязательства. Проекты. Дети, в конце концов.

– Детей убери из этого предложения.

– Почему? Их жизнь тоже зависит от компании.

– Их жизнь зависит от того, сможем ли мы вести себя как взрослые. А компания переживёт правила.

– Ты уверена?

– Нет.

Ответ остановил его.

Я сама удивилась, насколько легко он прозвучал.

– Нет, Макар. Я сегодня вообще мало в чём уверена. Я не знаю, что сделает Northline. Не знаю, что будет с компанией. Не знаю, сколько ты мне ещё соврал. Не знаю даже, насколько реальной была моя собственная жизнь последние месяцы.

Он закрыл глаза.

– Милена…

– Но одну вещь я знаю точно. Я не останусь твоей женой ради сделки.

Он долго молчал.

Потом взял телефон со стола.

– Я переночую в отеле.

– Хорошо.

– Завтра заберу вещи.

– Хорошо.

– Детям скажем вместе.

– Да.

Он сделал несколько шагов к выходу.

Остановился.

– Я правда не хотел тебя потерять.

Я смотрела на него и думала, что когда-то эта фраза заставила бы меня подойти.

Обнять.

Спросить, можно ли что-нибудь исправить.

Теперь я слышала в ней только странную математику Макара.

Не хотел потерять жену.

Не хотел потерять Киру.

Не хотел потерять сделку.

Не хотел потерять компанию.

Не хотел потерять дом.

Он просто очень долго считал, что ничего выбирать не придётся.

– Тогда тебе не стоило строить жизнь, в которой для меня не было места, – сказала я.

Он взялся за дверь.

– Это неправда.

– Возможно.

Макар обернулся.

– Что?

– Весна. Апрель. До этого ничего.

Его лицо стало неподвижным.

– Я запомнила.

Он ушёл.

Я закрыла дверь и повернула замок.

Не потому, что он мог вернуться.

Просто мне было важно услышать щелчок.

Через несколько минут в коридор выглянула Ася.

В огромной футболке, с телефоном в руке.

Посмотрела сначала на меня.

Потом на пустую вешалку, где обычно висела куртка отца.

– Папа уехал?

– Да.

– По работе?

Я слишком долго выбирала ответ.

Ася сразу это заметила.

Её лицо стало внимательнее.

– Мам?

– Завтра мы с папой поговорим с вами обоими.

Она прищурилась.

– Это звучит очень плохо.

– Я знаю.

– Вы разводитесь?

Пятнадцать лет.

Никаких детских обходных путей.

Я подошла к ней.

– Завтра, Ась.

Она смотрела ещё секунду.

Потом кивнула.

И уже уходя в комнату, бросила:

– Только не говорите, что это «временно». Хорошо?

Я осталась в коридоре одна.

За её дверью снова заиграла музыка.

Я медленно посмотрела на входную дверь.

На пустую вешалку.

На ключи Макара, которых больше не было в чаше у зеркала.

А потом впервые за весь день подумала не о Кире.

О весне.

Слишком быстро он её назвал.

Слишком удобно она объясняла всё.

И слишком многое в нашей жизни не совпадало с фразой «между нами уже почти ничего не было».

Я вернулась на кухню, открыла календарь в телефоне и пролистала назад.

Апрель.

Март.

Февраль.

Остановилась.
Нет.
Сегодня я не собиралась превращаться в женщину, которая до утра ищет мужа по датам.
Но я уже знала, с какого слова начну завтра.
«Весной».

Глава 3. Два дома

Макар пришёл к восьми утра с булочками из пекарни, которую любил Лев.

Я увидела бумажный пакет у него в руке и разозлилась сильнее, чем если бы он явился с пустыми руками.

Шестнадцать лет брака научили его десятку способов переживать трудные семейные утра.

Купить детям завтрак.

Поставить чайник.

Пошутить.

Починить то, что давно болталось.

Сделать обычность настолько убедительной, чтобы все остальные невольно подстроились.

Сегодня обычности не было.

– Ты рано, – сказала я.

– Мы договорились поговорить с детьми до школы.

– Договорились.

Он снял куртку и по привычке потянулся к своей вешалке.

Пустой.

Его вещей там почти не осталось после вчерашнего вечера.

Макар задержал руку на секунду, потом повесил куртку на соседний крючок.

Я заметила.

Конечно заметила.

– Они встали?

– Ася да. Лев делает вид, что нет.

– Значит, всё нормально.

Я посмотрела на пакет.

– Булочки были лишними.

– Лев их любит.

– Сегодня ему не обязательно получать сахар за плохие новости.

Макар поставил пакет на тумбу.

– Я не пытался его купить.

– Хорошо.

– Милена.

– Что?

Он понизил голос:

– Нам надо хотя бы при них быть одной командой.

Я прислонилась плечом к стене.

– В вопросах, где мы действительно одна команда.

– Мы их родители.

– Именно.

– Тогда не поправляй меня на каждом слове.

– Если ты не будешь врать, мне не придётся.

На его лице появилось выражение человека, который очень хотел ответить и вовремя вспомнил, что за стеной дети.

– Я не собираюсь им врать.

– Посмотрим.

Дверь Асиной комнаты открылась.

Она вышла уже одетая, с собранными волосами и одним наушником в ухе.

Увидела отца.

Посмотрела на пакет с булочками.

Потом на меня.

– Ого. Семейный завтрак с повесткой.

– Ася, – сказал Макар.

– Я просто экономлю время.

Она прошла на кухню.

Лев появился через минуту в школьных брюках и футболке, которую надел задом наперёд.

– Пап!

Макар присел и обнял его.

Слишком крепко.

Лев вывернулся первым.

– Ты вчера куда уехал?

– В гостиницу.

– Зачем?

Макар посмотрел на меня.

Вот с этого мы и начали.

На кухне дети сидели рядом.

Мы с Макаром напротив.

Плохая рассадка.

Как будто собеседование.

Я хотела пересесть, но тогда пришлось бы делать из этого отдельное движение, а мне не хотелось превращать каждую мелочь в символ.

Лев ел булочку.

Несмотря на моё утреннее раздражение, пакет всё-таки оказался на столе.

Ася не ела ничего.

Она держала чашку обеими руками и смотрела то на меня, то на отца.

– У нас с мамой сейчас сложный период, – начал Макар.

Ася закатила глаза.

– Пап, пожалуйста.

Он сбился.

– Что?

– Не надо вот этого взрослого вступления. Я вчера спросила маму, разводитесь вы или нет.

Лев перестал жевать.

– Что?

Ася посмотрела на него и сразу прикусила язык.

– Извини.

– Вы разводитесь?

Макар положил ладонь на стол.

– Мы пока поживём отдельно.

Я повернула голову.

Он почувствовал мой взгляд.

– Макар.

– Что?

– Мы разводимся.

Лев смотрел на нас, широко открыв глаза.

Макар сжал челюсть.

– Милена, мы договаривались…

– Мы договорились не врать детям.

– Я не вру.

– «Пока поживём отдельно» означает, что мы можем передумать и снова съехаться. Я не хочу, чтобы они ждали этого.

– Ты не можешь знать, что будет через год.

– Зато я знаю решение, которое приняла сейчас.

– Отлично, – сказала Ася. – Очень бодро.

– Ась.

– Что? Вы решили сообщить Лёве про развод и сразу устроить демонстрацию развода?

Я закрыла глаза на секунду.

Пятнадцать лет.

Иногда она умела попасть туда, куда взрослые ещё только собирались.

– Ты права, – сказала я.

Макар посмотрел на меня.

– Сейчас мы спорить не будем.

– Спасибо, – бросила Ася.

Лев положил булочку на тарелку.

– А где папа будет жить?

Макар ответил раньше меня:

– Я сниму квартиру недалеко.

– Как недалеко?

– Чтобы можно было быстро приезжать.

– В нашем доме?

– Наверное, не в этом.

Лев нахмурился.

– Тогда это далеко.

– Может быть, в соседнем районе.

– А у меня там будет комната?

Макар на секунду застыл.

Вот она, цена одного взрослого решения.

Не слово «предательство».

Не «разрушенная семья».

Комната.

– Будет, – сказал он.

– Моя?

– Твоя.

– А у Аси?

– И у Аси.

Ася поставила чашку.

– Мне не обязательно отдельную.

– Обязательно, – сказал Макар.

– Я там жить не собираюсь.

– Ася.

– Что?

– Не надо сейчас.

Она посмотрела на него.

В её лице не было детской истерики.

Только холодность, которая испугала меня гораздо больше.

– Вы же хотели честно. Я честно.

– Можно быть честной и не ранить специально, – сказала я.

Ася перевела взгляд на меня.

– Это теперь семейное правило?

Попала.

Я выдержала.

– Да. Было бы неплохо хотя бы начать.

Она отвернулась к окну.

Макар потёр пальцами край стола.

– Вы оба сможете быть и здесь, и у меня. Мы всё устроим.

– Когда? – спросил Лев.

– Что когда?

– Когда будет квартира?

– Не знаю. Скоро.

– Скоро это сколько?

– Несколько дней.

– А до этого ты где?

– В гостинице.

Лев переварил информацию.

– Там завтраки бесплатные?

Ася фыркнула в чашку.

Макар улыбнулся.

И меня на секунду пронзило таким знакомым теплом, что я почти разозлилась на сына за этот вопрос.

Почти.

Макар всегда умел разговаривать с Львом.

Строил вместе с ним модели, терпеливо объяснял правила игр, в которых я через десять минут хотела перевернуть стол, приезжал на соревнования, если не срывались переговоры.

Он был хорошим отцом.

Измена не переписала это задним числом.

Как удобно было бы, если бы переписала.

Тогда ненавидеть оказалось бы проще.

– Иногда, – ответил Макар. – Но там отвратительные хлопья.

– Я могу привезти свои.

– Договорились.

Лев немного расслабился.

– А пятница?

– Что в пятницу?

– Ты обещал забрать меня после робототехники.

Макар посмотрел на календарь в телефоне.

Я не выдержала:

– Не надо сейчас смотреть.

– Почему?

– Потому что он спрашивает, придёшь ли ты, а не свободен ли у тебя слот.

Макар поднял глаза.

– Я пытаюсь проверить, нет ли встречи.

– Вот именно.

Лев уже смотрел в тарелку.

Макар положил телефон экраном вниз.

– Заберу.

– Точно?

– Точно.

– Даже если работа?

– Даже если работа.

Лев кивнул.

Я запомнила обещание.

Не для того, чтобы поймать Макара.

Потому что теперь каждое его «точно» весило больше прежнего.

Ася тоже услышала.

Слишком внимательно.

– А мама? – спросил Лев.

– Что мама?

– Ты тоже иногда будешь жить у папы?

Булочка во рту внезапно стала для него очень важной.

Макар отвернулся.

Я поставила ладони на стол.

– Нет.

– Никогда?

– Мы будем жить в разных домах.

– Но почему?

Вчера мы с Макаром договорились не говорить детям о Кире.

Я была уверена в этом решении.

До этой секунды.

Потому что детское «почему» не оставляло удобного взрослого ответа.

«Мы перестали понимать друг друга» было неправдой.

«Так бывает» было трусостью.

«Мы решили» делало меня соучастницей решения, которого я не принимала.

– Между мной и папой произошло то, после чего я больше не хочу быть его женой, – сказала я.

Лев нахмурился.

– Он сделал что-то плохое?

Макар напрягся.

Я посмотрела на сына.

– Папа сделал поступок, который очень меня ранил. Подробности относятся к нашим взрослым отношениям.

– А он извинился?

Макар закрыл глаза.

Ася тихо сказала:

– Лев.

– Что? Если он извинился, тогда…

– Извинение не всегда всё чинит, – сказала я.

– Почему?

– Потому что некоторые вещи после этого становятся другими.

Он подумал.

– Как кружка?

Я не поняла.

– Какая кружка?

– Если разбить. Можно склеить, но из неё всё равно вода течёт.

Ася резко отвернулась.

Макар смотрел на сына.

Я почувствовала, как под рёбрами сжалось.

– Иногда, – сказала я. – Но у нас с папой немного сложнее кружки.

– А мы?

– Что вы?

– Мы тоже разбились?

Макар положил руку рядом с его локтем.

Не касаясь.

– Нет.

Я ответила одновременно с ним:

– Нет.

Мы встретились глазами.

Впервые с утра в одном ответе не было никакой лжи.

– Вы наши дети, – сказала я. – Это не меняется.

– Даже когда я у папы?

– Даже когда ты у папы.

– А если я захочу домой?

– Позвонишь.

– А если папа скажет, что уже поздно?

Макар нахмурился.

– Я не скажу.

– А если мама скажет?

– Мы будем решать по ситуации, – сказала я.

– Это значит «да» или «нет»?

– Это значит, что два дома не будут тюрьмами.

Он немного успокоился.

Я посмотрела на Асю.

– И ещё одно правило. Для вас обоих.

– У нас уже правила? – спросила она.

– Да. Вы не передаёте сообщения между нами.

– В смысле?

– Если папе нужно что-то сказать мне, он говорит сам. Если мне нужно что-то сказать папе, я говорю сама. Никаких «скажи маме», «спроси у отца», «напомни ему».

Лев кивнул.

– Хорошо.

– И никто не выбирает сторону.

Ася подняла бровь.

– Это как?

– Ты можешь злиться на папу. Можешь злиться на меня. Можешь не хотеть разговаривать. Но тебе не нужно решать, кто из нас хороший.

– Очень удобно.

– Возможно.

– А если я уже решила?

Макар побледнел.

– Ася.

Я остановила его жестом.

– Тогда это твоё чувство. Но я не буду использовать его против папы.
Она посмотрела на меня с раздражением.
– Какая ты сегодня правильная.
– Нет.
– Очень.
– Я просто не хочу, чтобы через год выяснилось, что наш развод вы проживали за нас.
Ася отодвинула чашку.
– Я уже опаздываю.
До выхода оставалось двадцать минут.
Я знала.
Она знала, что я знаю.
Но спорить не стала.
– Хорошо.
Ася встала.
Макар тоже.
– Я отвезу вас.
– Меня не надо.
– Почему?
– Потому что я поеду на метро.
– Ась, не начинай.
– Я не начинаю. Мне пятнадцать, я каждый день езжу на метро.
– Сегодня я хотел…
– Сегодня ты хотел стать отцом сильнее обычного?
В кухне стало тихо.
– Ася, – сказала я жёстче.
Она посмотрела на меня.
– Что?
– Достаточно.
– Конечно.
Она схватила рюкзак со стула и ушла в коридор.
Макар дёрнулся за ней.
Я поймала его за рукав.
– Не сейчас.
– Она разговаривает со мной как…
– Как человек, которому вчера изменили всю жизнь без предупреждения.
Он посмотрел на мою руку.
Я сразу отпустила.
– Дай ей время.
– А мне кто-нибудь его даст?
Вопрос прозвучал почти беспомощно.
Я посмотрела на него.
– Ты своё время уже взял.
Он ничего не ответил.
Лев доел булочку.
– А можно я всё-таки поеду с папой?
– Конечно, – сказала я.
– А вечером ты будешь дома?
– Буду.
– А папа?

Мы с Макаром снова посмотрели друг на друга.
– Папа пока будет приезжать, – сказала я.
Лев кивнул.
– Тогда можно мою синюю кружку не покупать вторую. Я буду возить.
– Можно, – ответил Макар.
– Только не забудь её здесь в первый же день, – сказала Ася из коридора.
Лев возмутился:
– Не забуду!
– Ты вчера зарядку искал двадцать минут.
– Это другое!
Они начали спорить.
Обычный утренний спор.
Я стояла у стола и слушала его, как музыку из квартиры, в которой больше не живёшь.

В десять сорок пять Софья положила передо мной планшет.
– Northline хотят видеозвонок в одиннадцать.
– По какому вопросу?
– Смена согласований.
– Быстро.
– Веденин.
Этого было достаточно.
Я открыла письмо.
Короткое.
Без приветственных реверансов.
«Получили уведомление об изменении матрицы полномочий. До продолжения текущей проверки хотели бы уточнить влияние изменений на управляемость компании и действующие обязательства».
– Макар будет?
– Его пригласили.
– Конечно.
Софья посмотрела на меня.
– Ты в состоянии?
– Нет.
– Отлично.
Я подняла голову.
– Что?
– Люди особенно опасны, когда убеждены, что в состоянии.
Она забрала пустую чашку.
– Олег тоже подключится.
– Хорошо.
– И ещё.
– Что?
– Макар пытался утром отменить рассылку нового порядка согласований.
Я медленно положила планшет.
– На каком основании?
– Сказал, что изменения пока не утверждены обоими собственниками.
– И?

– Я сказала, что внутренний процесс по твоему проектному контуру уже изменён тобой как креативным директором, а вопросы корпоративных полномочий пусть формулирует письменно.

– Что он ответил?

– Что я выбираю сторону.

– А ты?

Софья пожала плечом.

– Сказала, что сторона у меня одна. Та, где сотрудники получают зарплату вовремя.

Я усмехнулась.

– Ты ужасный друг.

– Поэтому со мной удобно работать.

Она вышла.

Я посмотрела на часы.

Двенадцать минут до звонка.

Открыла камеру.

На экране появилась я.

Белая рубашка.

Собранные волосы.

Никаких следов катастрофы, кроме того, что я надела разные серьги.

Одна маленькая золотая.

Вторая серебряная.

Я заметила только сейчас.

Сняла обе.

В одиннадцать ровно подключился Олег.

Через двадцать секунд Макар.

Пётр Веденин появился последним.

Я раньше видела его дважды лично и раз десять на экране.

Высокий, тёмноволосый, с лицом, которое не становилось приветливее от деловой улыбки, потому что деловой улыбки у него обычно не было.

Сегодня тоже.

– Добрый день, – сказал он. – Все на месте?

Макар ответил первым:

– Да. Добрый.

Я промолчала и кивнула.

Пётр посмотрел куда-то в сторону, вероятно на второй монитор.

– Получили новое распределение согласований. Оно отличается от модели, которую М2 показывала нам на прошлой неделе.

– Это внутреннее уточнение процесса, – сказал Макар.

Я повернула голову к его квадрату на экране.

Вот как.

Внутреннее уточнение.

Пётр не отреагировал.

– Нас интересуют причины и устойчивость модели. Не формулировка.

– Никакого влияния на обязательства компании нет, – сказал Макар. – Мы просто решили чуть точнее развести творческий и коммерческий контуры.

Я услышала собственный вдох.

«Мы решили».

Восемнадцать лет Макар говорил за нас обоих настолько естественно, что я перестала замечать.

Сегодня заметила.

– Не совсем, – сказала я.

Макар замолчал.

Пётр перевёл взгляд на меня.

– Уточните.

– Решение об изменениях приняла я по своему проектному контуру после обнаружения недостаточной прозрачности отдельных расходов.

Олег опустил глаза к документам.

Макар улыбнулся.

Не мне.

Инвестору.

– Милена имеет в виду тот самый блок, по которому вы запросили дополнительные пояснения. Мы уже разбираемся.

– Кто сейчас может единолично согласовать внеплановые расходы? – спросил Пётр.

– По коммерческому контуру я, – ответил Макар.

– По проектам, где я отвечаю за архитектурное направление, требуется моё согласование и контроль Олега, – сказала я.

Пётр кивнул.

– С какого числа?

– Со вчерашнего дня.

– До этого?

Макар подался вперёд.

– Пётр, давайте не будем превращать рядовое внутреннее изменение…

– Я задал простой вопрос.

Макар замолчал.

Мне захотелось улыбнуться.

Не потому, что Пётр оказался на моей стороне.

Он не был.

Именно поэтому.

– До этого значительная часть дополнительных расходов проходила по коммерческому согласованию, – сказала я. – В том числе там, где операционно отвечала я.

– Почему вы меняете систему сейчас?

Макар снова попытался войти:

– Мы подошли к этапу, когда…

– Потому что прежняя система перестала меня устраивать, – сказала я.

Пётр смотрел прямо в камеру.

– Вчера устраивала?

Холодный.

Точный.

Неприятный.

И совершенно не обязанный беречь моё утро.

– Вчера у меня было меньше информации.

Тишина.

Олег перестал листать документы.

Макар сказал:

– Милена.

– Что?

– Мы договаривались не выносить личное в сделку.

Пётр медленно перевёл взгляд на его окно.

– Личное?

Вот теперь Макар понял, что сказал.

Я увидела это по лицу.

– У нас есть семейная ситуация, – произнёс он. – Она не влияет на операционную деятельность.

– Если семейная ситуация двух основателей приводит к изменению матрицы полномочий за семь недель до решения по сделке, – сказал Пётр, – она уже влияет на операционную деятельность.

Ни сочувствия.

Ни неловкости.

Только факт.

Мне захотелось его возненавидеть.

Было бы удобно.

– Мы разводимся, – сказала я.

Макар резко посмотрел на меня.

Олег поднял голову.

Пётр ничего не изменил в лице.

– Решение принято?

– Да.

– Когда?

– Вчера.

– До или после изменения согласований?

– До.

– Понятно.

Макар стиснул зубы.

– Я бы не формулировал настолько окончательно. Сейчас первые сутки после…

Я перебила:

– Решение принято.

Пётр посмотрел на Макара.

Потом на меня.

– Хорошо.

Макар не выдержал.

– Что именно здесь хорошего?

– То, что я получил прямой ответ на прямой вопрос.

Я отвела взгляд.

На экране рядом с камерой горела маленькая зелёная точка.

Мне вдруг стало ясно, почему Макару Пётр не нравится.

Он не оставлял человеку пространства между вопросом и ответом, где обычно помещалась выгодная версия.

– Northline не оценивает ваши личные решения, – продолжил Пётр. – Нас интересует, сможет ли компания выполнять обязательства, если модель «два основателя как одна управленческая единица» больше не существует.

Фраза ударила неожиданно.

Одна управленческая единица.

Так нас и продавали.

Не официально.

В интервью.

На встречах.

В презентациях.

Милена создаёт, Макар превращает идеи в бизнес.

Две половины.

Один бренд.

Я ненавидела это выражение ещё до Киры.

Просто раньше не признавалась себе.

– Сможет, – сказала я.

Пётр прищурился.

– На основании чего?

– На основании того, что архитектурные проекты компании никогда не создавались нашим браком.

Макар отвёл взгляд.

– Их создаёт команда. У нас есть руководители направлений, операционный директор, финансовый директор, проектные лиды. Если ваша проверка исходила из предположения, что М2 перестанет работать, как только мы перестанем вместе завтракать, значит, мы сами плохо показали вам устройство бизнеса.

Пётр помолчал.

Впервые за весь разговор.

– Это уже полезнее, – сказал он.

– Рад, что мы наконец пришли к полезному, – бросил Макар.

Пётр проигнорировал.

– Тогда к пятнице я хочу обновлённую карту полномочий. Не временную реакцию на конфликт, а модель, которая будет работать независимо от ваших семейных отношений.

– Сделаем, – сказал Макар.

Я одновременно произнесла:

– Подготовим.

Он посмотрел на меня.

Я не отвела глаз.

Пётр продолжил:

– И второе. До завершения проверки устные подтверждения одного основателя от имени второго больше не принимаем.

Вот теперь Макар побледнел.

Совсем чуть-чуть.

– Простите?

– Если вопрос относится к зоне госпожи Рудневой, ответ получаем от госпожи Рудневой. Если к вашей, от вас. Совместные вопросы подтверждают оба.

– Это избыточно.

– Возможно.

– И замедлит процесс.

– Возможно.

– Мы работаем вместе шестнадцать лет.

– Я знаю.

– Тогда зачем эта бюрократия?

Пётр посмотрел в камеру.

– Потому что сегодня выяснилось, что ваши интересы больше нельзя автоматически считать совпадающими.

В комнате никто не говорил.

Я почувствовала почти физически, как эта фраза входит в нашу компанию.

Не в брак.

Туда она вошла вчера.

В компанию.

Макар первым пришёл в себя.

– Мы пришлём карту к пятнице.

– Спасибо.

– По квартире Белой у вас ещё вопросы? – спросил Олег.

Пётр взглянул в бумаги.

– Да. Но их предлагаю вынести отдельно. Нам нужны документы, а не предположения.

Я неожиданно посмотрела на него внимательнее.

Не мораль.

Не догадка.

Документы.

– Получите, – сказала я.

– Хорошо.

Звонок закончился через пять минут.

Макар отключился первым.

Олег вторым.

Я уже собиралась закрыть ноутбук, когда Пётр произнёс:

– Милена.

Его окно всё ещё было на экране.

Я остановилась.

– Да?

– Один вопрос.

– Ещё?

– Это работа.

– Разумеется.

Он не улыбнулся.

– Изменение согласований действительно закрывает тот риск, который вы обнаружили вчера?

Я посмотрела на него.

– Не знаю.

Ответ вышел раньше, чем я успела подобрать более солидный.

Пётр кивнул.

– Хороший ответ.

– Обычно инвесторы предпочитают другие.

– Обычно я предпочитаю правду.

Слишком простая фраза.

В другой день я бы даже не заметила.

Сегодня она резанула.

– Тогда вам с нами будет интересно, – сказала я.

Он понял, что это не шутка.

– Я не ищу интереса. Я ищу управляемую компанию.

– Какая скучная жизнь.

Уголок его рта едва заметно двинулся.

– Помогает экономить на сервисных квартирах.

Я замерла.

Он тоже.

– Это была шутка? – спросила я.

– Неудачная.

– Ужасная.

– Согласен.

– Тогда почему вы её сказали?

Пётр посмотрел куда-то мимо камеры.

– Потому что иногда я поздно понимаю, где заканчивается рабочий вопрос.

Неожиданно.

Первое человеческое предложение за весь разговор.

И сразу позднее, чем нужно.

– Теперь поняли?

– Да.

– Отлично.

– До пятницы, Милена.

– До пятницы.

Экран погас.

Я закрыла ноутбук.

И только тогда поняла, что последние сорок минут впервые за восемнадцать лет отвечала инвестору за себя сама.

Не через Макара.

Не после того, как он объяснит цифры.

Не с его вступлением.

Сама.

Цена оказалась отвратительной.

Но ощущение было новым.

Телефон на столе завибрировал.

Сообщение от Аси.

«Ты сегодня поздно?»

Я написала:

«Постараюсь к семи».

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Снова появились.

«Ладно».

Я уже убрала телефон, когда пришло второе сообщение.

«Мам».

Потом третье.

«А Кира теперь тоже не будет с вами работать?»

Глава 4. Весной?

В среду утром вопрос Аси всё ещё висел у меня в телефоне.

«А Кира теперь тоже не будет с вами работать?»

Я прочитала его, наверное, раз двадцать.

Не «кто такая Кира?».

Не «это из-за Киры?».

Не «почему ты спрашивала про неё вчера?».

А вполне конкретное «теперь тоже не будет».

В восемь десять Ася вошла на кухню, поставила рюкзак на пол и открыла холодильник.

– Йогурт закончился?

– На нижней полке.

Она присела, достала баночку.

– А.

– Ась.

– М?

– Ты вчера написала про Киру.

Крышка от йогурта оторвалась неровно. Ася стала методично снимать оставшийся кусочек фольги.

– Ну.

– Почему?

– Просто спросила.

– Я вижу.

Она подняла глаза.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Пятнадцать лет.

Иногда хотелось выдать детям свидетельство о рождении вместе с инструкцией: после тринадцати лет не пытайтесь использовать очевидные приёмы, унижение гарантировано.

– Потому что ты назвала человека, о котором мы с тобой не разговаривали.

– Я знаю, кто работает у вас.

– Всех внешних консультантов?

– Нет.

– Киру знаешь.

Ася пожала плечами.

– Видела её раньше.

Я медленно поставила чашку.

– В офисе?

Она взяла ложку.

– Мам, мне через семь минут выходить.

Это не было ответом.

И она прекрасно знала, что я это поняла.

Ещё два дня назад я бы настояла.

Сегодня впервые задумалась, зачем.

Чтобы получить ещё одно доказательство?

От собственной дочери?

Чтобы посадить её напротив и по выражению лица определять, когда Макар появился рядом с Кирой?

Нет.

– Хорошо, – сказала я. – Иди.

Ася посмотрела на меня настороженно.

Кажется, ожидала продолжения.

– Всё?

– Пока да.

– А Кира?

– Рабочие отношения с ней сейчас проверяются отдельно.

– Понятно.

– Ася.

Она уже подняла рюкзак.

– Что?

– Если тебе захочется что-то рассказать, расскажешь. Но тебе не нужно ничего выяснять для меня. Вообще.

Её пальцы сжались на лямке.

– Я и не собиралась.

– Хорошо.

Она ушла.

Через минуту хлопнула входная дверь.

Я осталась на кухне с недопитым кофе и открытым холодильником, который Ася, конечно, не закрыла.

Подошла.

Закрыла.

И запретила себе додумывать.

Хотя бы до офиса.

Софья захватила одну из переговорных и превратила стеклянную стену в схему новой М2.

Три ряда стикеров.

Проекты.

Согласования.

Ответственные.

Макар был отмечен жёлтым.

Я синим.

Олег серым.

Софья использовала цвета не ради красоты. Она утверждала, что взрослые люди лучше замечают собственные проблемы, когда проблемы можно переклеить пальцем.

– Если ты ещё раз переставишь «Северный берег», я начну воспринимать это лично, – сказала я.

– Я пытаюсь найти вариант, в котором твои решения не требуют Макара, но компания не получает пять дополнительных кругов согласования.

– Получается?

– Нет.

– Отличное начало дня.

Софья сняла с доски жёлтый стикер.

– Веденин хочет обновлённую карту к пятнице.

– Вчера хотел.

– Сегодня тоже. Удивительная последовательность.

Я посмотрела на таблицу.

После видеозвонка с Northline мне впервые стало очевидно, насколько много в М2 держалось не на документах, а на привычке.

Если Макар говорил клиенту, что я согласна, никто не просил моего письма.

Если я обещала дизайнеру, что коммерческая часть не будет возражать, Макару иногда даже не звонили.

Мы действительно годами работали как одна управленческая единица.

До тех пор, пока одна половина этой единицы не обнаружила, что вторая прекрасно умеет жить отдельно.

– Не хочу удвоить бюрократию, – сказала я.

– Я тоже. Люди начнут ждать ваших двух подписей даже там, где достаточно одной.

– Тогда делим зоны.

– Уже.

Софья ткнула пальцем в стекло.

– Твоя архитектура, проектные команды, концепции и утверждённые бюджеты внутри проектов. Макар – коммерция, продажи, привлечение клиентов. Всё, что пересекает зоны или создаёт новый расход, идёт через Олега и подтверждается обоими.

– Нормально.

– Пока.

– Почему «пока»?

– Потому что разводы плохо уважают организационные схемы.

Я посмотрела на неё.

– Ты эксперт?

– Нет. Поэтому и боюсь.

Она взяла маркер.

– И ещё одна неприятная вещь.

– Сегодня можно сразу пачкой.

– Northline увидит скорость изменений.

– Они уже увидели.

– Они увидели конфликт. Теперь увидят, что за двое суток мы переписали половину маршрутов согласований.

– Не половину.

– Милена.

– Ладно. Почти половину.

Софья положила маркер.

– Для тебя это контроль. Для инвестора может выглядеть как пожар.

– Пожар уже есть.

– Я знаю.

– Тогда лучше показать, где у нас огнетушитель, чем закрыть дым дверью.

Софья посмотрела на меня несколько секунд.

– Вот это скажешь Веденину.

– Ему понравится.

– Ему вообще что-нибудь нравится?

– Таблицы.

– Олегу тоже. Может, познакомить?

Я усмехнулась.

Телефон завибрировал.

Макар.

Не звонок.

Сообщение.

«Снял квартиру. Недалеко. Сегодня покажу детям».

Я перечитала.

Одно предложение.

Ещё вчера он жил здесь.

Его рубашки висели рядом с моими.

Зарядка лежала с моей стороны кровати, потому что розетка у него не работала второй год, а починить её мы всё собирались.

Сегодня у него была квартира.

Отдельная.

Решение, которое два дня назад он называл моей реакцией на шок, уже получило адрес и ключи.

– Всё нормально? – спросила Софья.

Я положила телефон.

– Макар снял жильё.

Она не сказала «мне жаль».

За это я была благодарна.

– Значит, один стикер можно переклеить окончательно.

Я посмотрела на доску.

– Переклеивай.

Квартира оказалась в десяти минутах от нашего дома.

Три комнаты.

Светлые стены.

Слишком новая мебель.

Запах кофе из машины, которой Макар явно уже успел воспользоваться, хотя из вещей у него пока были две дорожные сумки и несколько коробок.

Лев носился из комнаты в комнату.

– Эта моя?

– Если хочешь, – сказал Макар.

– Тут маленький шкаф.

– Купим другой.

– А стол?

– Тоже.

– А лампа?

– Лев.

Сын остановился.

– Что?

– Ты можешь сначала просто посмотреть.

Он задумался.

– Нет.

И побежал дальше.

Я стояла в прихожей, не снимая пальто.

Макар закрыл дверь.

– Могла не приезжать.

– Я знаю.

– Тогда зачем?

– Лев попросил.

Это была правда.

Когда Макар забирал его после школы, Лев позвонил мне и потребовал «тоже посмотреть новый дом, потому что вдруг там нельзя жить».

Я приехала.

Не контролировать Макара.

Не проверять, где он будет спать.

Посмотреть место, куда будут приезжать мои дети.

Вторая маленькая комната была почти пустой.

Кровать.

Шкаф.

Стол у окна.

На столе лежала упаковка новых маркеров.

Ася рисовала ими редко, но Макар помнил любимую фирму.

– Для Аси, – сказал он у меня за спиной.

– Я поняла.

– Она не приехала.

– У неё занятия.

– Она мне сказала, что занятия.

Я обернулась.

– Значит, зачем повторяешь?

– Потому что они заканчиваются в пять. Сейчас почти семь.

– Макар.

– Я просто констатирую.

– Нет. Ты хочешь, чтобы я объяснила её отсутствие.

Он прислонился к дверному косяку.

– Я хочу понимать, что происходит с моей дочерью.

– Она узнала, что родители разводятся. Дай ей несколько дней.

– Со мной она почти не разговаривает.

– Дай ей несколько дней.

– Ты знаешь что-нибудь, чего не знаю я?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Я вспомнила сообщение Аси.

Киру.

Её «видела раньше».

– По поводу чего?

– Не знаю. Поэтому спрашиваю.

– Если Ася захочет что-то сказать тебе, скажет сама.

– Очень удобно.

– Не начинай.

– Я не начинаю. Просто последние два дня ты решаешь, какую информацию мне можно получать.

– Забавно слышать это от тебя.

Он отвернулся.

Из соседней комнаты раздалось:

– Пап!

Макар сразу пошёл туда.

– Что?

– А я могу оставить здесь зубную щётку?

– Конечно.

– А дома тоже?

– Конечно.
– Две?
– Две.
– А синий стакан?
Макар посмотрел на меня.
– Какой синий стакан?
Лев появился в дверях.
– Для щётки.
– Можешь оставить.
– Но он дома.
– Купим второй.
Лев нахмурился.
– Не хочу второй.
– Тогда привезём твой.
– А у мамы?
Он повернулся ко мне.
– Мне дома из чего тогда?
– Из другого.
– Нет. Это мой.
– Лев, – сказал Макар. – Можешь возить его с собой.
Сын обдумал.
– А если забуду?
– Будешь чистить без стакана.
– Это неудобно.
– Жизнь иногда жестока.
Я посмотрела на Макара.
Он тоже понял и сразу отвёл взгляд.
Лев не заметил.
– А пижаму надо возить?
– Можно оставить здесь одну, – сказала я.
– А тапки?
– Тоже.
– А мой конструктор?
– Какой?
– Замок.
– Он огромный.
– Значит, перевезём, – сказал Макар.
Я вмешалась:
– Нет.
Они оба посмотрели на меня.
– Почему? – спросил Лев.
– Потому что ты собирал его два месяца и половина деталей развалится по дороге.
– Тогда купим второй, – предложил Макар.
Я повернула голову.
– Не надо покупать вторую жизнь целиком за один вечер.
Он замер.
Лев переводил взгляд между нами.
Я пожалела о фразе сразу.
Не потому, что она была неправдой.

Потому что сын стоял рядом.

– Конструктор остаётся дома, – сказала я спокойнее. – Здесь можешь выбрать другой набор, который уже есть.

Лев посмотрел на отца.

– А у тебя есть?

– Пока нет.

– Тогда зачем ты снял квартиру без конструктора?

Макар рассмеялся.

Негромко.

Настояще.

– Недоработка.

– Большая.

– Исправлю.

Лев ушёл выбирать место для будущего конструктора, которого ещё не существовало.

Мы остались в коридоре.

– Я не пытаюсь купить им вторую жизнь, – сказал Макар.

– Хорошо.

– Я пытаюсь сделать так, чтобы им здесь было нормально.

– Делай.

– Ты каждый мой шаг теперь будешь воспринимать как манипуляцию?

– Нет.

– Уже воспринимаешь.

Я посмотрела на пустую комнату Аси.

– Я учусь не считать каждый твой шаг автоматически правильным.

– Это другое?

– Для меня да.

Он помолчал.

– Я сегодня говорил с Кирой.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, зачем он это сказал.

– И?

– Всё закончил.

Я посмотрела на него.

Макар ждал.

В этот раз я точно видела, что ждал.

Реакции.

Облегчения.

Боли.

Хотя бы вопроса.

– Хорошо, – сказала я.

Его лицо стало жёстче.

– Только «хорошо»?

– А что ты хочешь услышать?

– Не знаю.

– Тогда зачем говоришь?

– Потому что это касается тебя.

– Нет. Это касается тебя и Киры.

– Милена, я прекратил отношения, которые…

– Которые не должен был начинать.

– Да.

– И?

Он провёл ладонью по затылку.

– Ничего.

– Вот именно.

Макар опустил руку.

– Ты правда не оставляешь мне никакого шанса.

– Я не оставляю тебе права требовать награду за прекращение измены.

Он хотел ответить.

Из комнаты снова крикнул Лев:

– Мам! А ночевать я когда буду?

Я подошла.

– Когда договоримся.

– Сегодня?

– Сегодня учебный день.

– Завтра?

– Завтра тоже.

– В пятницу?

Макар присел рядом с ним.

– В пятницу я забираю тебя с робототехники. Помнишь?

Лев кивнул.

– Тогда можешь остаться у меня, если мама не против.

– Мам?

Я посмотрела на сына.

Потом на Макара.

– Если захочешь.

– А если ночью захочу домой?

– Позвонишь.

– И ты приедешь?

– Да.

– Даже в три?

– Даже в три.

– А папа не обидится?

Макар ответил сам:

– Нет.

Лев снова посмотрел на меня.

– А если я потом захочу обратно?

– Тогда мы оба сильно пожалеем, что разрешили тебе звонить в три ночи.

Он улыбнулся.

– Понял.

Когда мы выходили, Лев оставил в новой ванной синюю зубную щётку, которую Макар купил по дороге.

Стакана у неё пока не было.

Таисия позвонила, когда я садилась в машину.

Я смотрела на её имя, пока телефон не завибрировал в третий раз.

Ответила.

– Да, Таисия.

– Милочка.

Я закрыла глаза.

Она всегда называла меня так.

Даже когда мы спорили.

– Макар тебе рассказал?

– Рассказал достаточно, чтобы я поняла, что он идиот.

Я не ожидала.

– Сильное начало.

– Я подбирала слова весь день. Это самое приличное.

За стеклом Макар выводил Льва из подъезда. Они о чём-то спорили возле домофона.

– Я не буду просить тебя его простить, – сказала Таисия.

– Спасибо.

– И говорить, что мужчины совершают ошибки, не буду. Ошибка – купить к спектаклю зелёный бархат, когда художник просил бутылочный. А это другое.

Я молчала.

Вот за это я её любила.

Даже сейчас.

– Но я хочу попросить об одном, – продолжила она.

Конечно.

Всегда есть «но».

– О чём?

– До тридцатого октября ничего не делайте публично.

Я посмотрела через стекло на Макара.

Вот теперь было больно.

Не просьба простить.

Не попытка убедить, что Кира ничего не значит.

Дата.

Та же самая дата.

Будто наш брак окончательно превратился в приложение к инвестиционному календарю.

– Что значит «ничего»?

– Не давайте интервью про развод. Не устраивайте скандал. Не…

– Таисия.

Она замолчала.

– Я не устраиваю скандал.

– Я знаю.

– И интервью пока не планировала.

– Тогда…

– Но обещать тебе молчать до тридцатого октября не буду.

Она выдохнула.

– М2 сейчас слишком уязвима.

– М2 работает.

– Я не про работу.

– Я тоже.

За окном Лев махнул мне рукой.

Я махнула в ответ.

– Милочка, я двадцать лет смотрела, как вы это строите. Я помню ваш первый офис, где зимой дуло из окон. Я не хочу, чтобы из-за Макара вы потеряли ещё и компанию.

– Тогда почему ты просишь меня защищать его фасад?

Тишина.

– Я не хочу защищать его, – сказала она наконец.

– Но просишь ровно это.

– Я прошу немного времени.

Я прикрыла лоб ладонью.

– Времени ему хватило.

Таисия больше не спорила.

– Ты права.

Очень тихо.

Мне стало ещё хуже.

Было бы проще, если бы она настаивала.

– С внуками ничего не меняется, – сказала я. – Звони им. Встречайся. Если они захотят приехать, приезжай за ними.

– Спасибо.

– За это не надо благодарить.

– Всё равно спасибо.

Мы попрощались.

Я положила телефон на соседнее сиденье.

Через минуту пришло сообщение от Раисы.

«Ты ела?»

Я написала:

«Да».

Ответ пришёл сразу.

«Что именно?»

Мама знала меня шестьдесят четыре года меньше, чем существовала сама, и всё равно не верила ни одному моему «да» без технического обоснования.

«Суп».

Три точки.

«Какой?»

Я позвонила первой.

– Мам.

– Значит, не ела.

– Я ела.

– Какой суп?

– Какая разница?

– Большая. Если назовёшь, поверю.

Я рассмеялась.

Впервые за этот день.

– Ты ужасный человек.

– Я знаю. Я завтра приеду.

– Не надо.

– Уже надо.

– Зачем?

– Посмотреть документы.

Смех исчез.

– Какие ещё документы?

– Милена, не раздражай меня специально.

– Я не специально.

– Тогда хорошо. Собери всё, где у тебя имущество, доля в компании и полномочия.

– Мам, мы не делим табуретки.

– Пока.

– Я не собираюсь воевать с Макаром.

– Я тоже не собираюсь. Особенно потому, что он меня не приглашал.

– Тогда зачем?

Раиса помолчала.

– Потому что сейчас ты думаешь, что знаешь, что у тебя есть.

Я сжала ключи.

– Я знаю.

– По памяти?

– В основном.

– Вот.

– Что «вот»?

– Память хороша для стихов. Для собственности нужны бумаги.

– Ты вообще можешь хотя бы день не быть инженером?

– Нет.

– У меня муж спал с другой женщиной, а ты предлагаешь инвентаризацию.

– Я вижу.

– Что видишь?

– Что тебе больно.

Я замолчала.

Раиса продолжила тем же ровным голосом:

– Но эту часть я за тебя не сделаю. Могу приехать, накормить детей и сидеть рядом. От этого твой муж не станет честнее. А документы мы проверить можем.

Я смотрела на тёмное окно машины.

– Я не хочу превращать развод в войну за имущество.

– И не превращай.

– Тогда…

– Проверить, что существует в реальности, не значит начать войну.

Фраза зацепилась.

Существует в реальности.

Последние дни я всё время возвращалась к одному и тому же.

Квартира существовала.

Расходы существовали.

Кира существовала.

А версия Макара о весне пока существовала только потому, что он её произнёс.

– Ладно, – сказала я.

– Завтра.

– После работы.

– В семь.

– Мама.

– В семь пятнадцать. Я добрая.

Она отключилась.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом открыла календарь.

Не домашний.

Рабочий.

В четверг утром я пришла раньше Юлии.

Раиса накануне действительно приехала в семь пятнадцать.

Принесла контейнеры с едой, две папки и пирог, который называла «ничего особенного», хотя пекла его три часа.

Мы не делили имущество.

Не считали деньги.

Просто составили список того, что я знаю точно, и того, что привыкла считать понятным без проверки.

Когда мама ушла, лист остался на кухонном столе.

В верхней части я написала:

«Личное».

Ниже:

«Дом».

«Дети».

«М2».

Потом добавила:

«Хронология».

И долго смотрела на это слово.

Я не хотела знать, в каком ресторане Макар впервые поцеловал Киру.

Не хотела выяснять, в какой день она впервые осталась у него до утра.

Не хотела читать их переписку целиком, изучать ласковые обращения, сравнивать себя с женщиной, которая жила в оплаченной нами квартире.

Эти подробности ничего мне не возвращали.

Но даты, которые пересекались с работой и деньгами, уже были моей зоной.

Макар сказал: весна.

Апрель.

До этого ничего.

Если это правда, рабочие следы должны хотя бы не противоречить.

Если ложь, я хотела увидеть её не в выражении его лица.

В фактах.

В девять двенадцать Юлия вошла в офис.

Я видела через стекло, как она сняла пальто, включила компьютер, поставила возле монитора стакан кофе.

Подождала ещё десять минут.

Потом написала:

«Юля, зайдите, пожалуйста».

Она появилась с планшетом.

– Доброе утро.

– Доброе. Садитесь.

Юлия села.

Ровная спина.

Спокойное лицо.

Человек, который последние дни наверняка чувствовал, что вокруг его рабочего календаря вдруг стало слишком много внимания.

– Мне понадобится ваша помощь с графиком Макара.

Она чуть крепче взяла планшет.

– За какой период?

– С весны.

Юлия не открыла календарь.

Сначала посмотрела на меня.

– Можно уточнить цель?

– Northline проверяет расходы, а мы меняем внутренний контур. Мне нужно восстановить рабочие поездки, изменения бронирований и встречи, которые были связаны с внешними консультантами. Никаких личных выводов от вас не требуется.

– Понятно.

– Начнём с апреля.

Она всё ещё не двигалась.

– Что?

Юлия опустила взгляд на планшет.

Потом снова на меня.

– Весной?

– Да.

Пауза.

Очень короткая.

Но я уже научилась не пропускать короткие паузы.

Юлия аккуратно положила планшет на стол.

– Весной? Я бы не стала начинать с весны.

Глава 5. Календарь Юлии

– Весной? Я бы не стала начинать с весны.

Юлия произнесла это так, будто речь шла о неправильно выбранном месяце для отчёта.

Без многозначительной паузы.

Без взгляда «сейчас я вам всё расскажу».

И именно поэтому я не сразу ответила.

– Почему?

Она положила планшет на стол.

– Потому что вы хотите восстановить изменения поездок и рабочих окон, связанных с внешними консультантами. Первые несостыковки, которые я помню, были раньше.

– Насколько раньше?

Юлия посмотрела на закрытую дверь моего кабинета.

Не из страха, скорее по привычке человека, который пять лет следил, чтобы разговоры руководителя не становились достоянием коридора.

– Милена, я сразу хочу обозначить границу.

– Обозначайте.

– Я не знаю, когда у Макара начались отношения с Кирой Беловой.

Её голос на фамилии Киры не изменился.

– Я не видела их вместе в личной ситуации. Не читала его сообщения. Не спрашивала, куда он едет, если встреча отмечена как личная. И не хочу сейчас задним числом приписывать смысл тому, чего не знала.

Я кивнула.

– Хорошо.

Юлия, кажется, ожидала другого.

– Всё?

– А что ещё?

– Я думала, вы спросите, что я подозревала.

– Подозревали?

Она чуть поджала губы.

– Вот поэтому и не хочу отвечать на такие вопросы.

Я откинулась на спинку кресла.

Три дня назад я бы, наверное, надавила.

Спросила бы, когда она впервые поняла.

Почему ничего не сказала.

Не показалось ли ей странным.

Не видела ли она взглядов, прикосновений, чужой помады на воротнике.

Сегодня мне от этого списка стало противно.

Не Юлия должна была доказывать мне измену моего мужа.

– Тогда не будем, – сказала я. – Мне нужны только рабочие данные.

Она расслабила плечи.

Совсем немного.

– Какие именно?

– Изменения поездок Макара. Продления гостиниц. Переносы обратных билетов. Машины. Встречи, которые сначала были в календаре, а потом исчезли или меняли статус. Только то, что проходило через вас как через ассистента.

– За какой период?

Вчера я пришла за весной.

Сегодня это слово уже казалось чужой подсказкой.

Версией Макара, которую я почему-то сделала отправной точкой своего поиска.

– С ноября прошлого года.

Юлия не спросила, почему именно с ноября.

Открыла планшет.

– Мне понадобится архив.

– Берите.

– Часть старых изменений в основном календаре не видна. Нужно поднять письма от сервиса бронирования.

– Поднимайте.

Она встала.

У двери я остановила её:

– Юль.

– Да?

– Вы не обязаны рассказывать мне ничего личного о Макаре только потому, что я его жена.

Она посмотрела на меня внимательнее.

– Поняла.

– Но если расход оформлялся на М2 или рабочее бронирование менялось через компанию, это уже не личное.

– Тоже поняла.

– И ещё. Я не прошу вас выбирать между нами.

Впервые на её лице появилось что-то похожее на усталость.

– Очень надеюсь, что хотя бы вы не будете.

Она вышла.

Я осталась одна.

Хотя бы вы.

Фраза была слишком точной, чтобы не заметить.

К одиннадцати на моём столе лежали три распечатки и стоял второй кофе, который я опять забыла выпить.

Юлия села напротив.

– Я выгрузила только то, что относится к корпоративным бронированиям и рабочему календарю.

– Хорошо.

– Личные блоки я не открывала.

– Хорошо.

Она протянула первый лист.

Ноябрь.

Совещания.

Клиенты.

Два выезда.

Обычный рабочий месяц Макара.

То есть месяц человека, который считал, что сутки состоят как минимум из тридцати часов и остальные просто плохо организованы.

На последней неделе появилось несколько пустых окон.

Не «Кира».

Не ресторан.

Не квартира.

Просто два часа между встречами.

– Здесь что? – спросила я.

– Ничего.

– В смысле?

– Изначально стояли встречи.

– С кем?

– Контактов нет.

– Кто их удалил?

– Я.

Я подняла глаза.

– По просьбе Макара?

– Да.

– Почему?

– Он сказал, что встречи перенесены и фиксировать новые адреса не нужно.

– Такое раньше бывало?

– Бывало.

– Часто?

Юлия задумалась.

– Периодически.

– Поэтому это ничего не доказывает.

Она посмотрела на меня почти с благодарностью.

– Да.

– Дальше.

Декабрь.

Там изменений было больше.

Перед праздниками у нас всегда начиналось сумасшествие: закрыть этапы, успеть подписать акты, показать клиентам то, что они обязательно захотят переделать двадцать восьмого числа.

Макар ездил по объектам.

Я жила между офисом и стройками.

Ася тогда готовилась к школьному выступлению.

Лев заболел и три ночи кашлял так, что я спала урывками.

Мне казалось, я помнила декабрь хорошо.

Оказалось, я помнила только свою половину.

Юлия перевернула страницу.

– Вот здесь менялась рабочая поездка.

Я увидела даты.

Середина декабря.

– Что именно?

– Изначально возвращение было в тот же день после завершения программы.

– Потом?

– Вечером обратное бронирование сняли. Проживание продлили ещё на ночь. Возвращение перенесли на утро.

Слова были обычными.

Рабочими.

Я смотрела на строчки и вспоминала кухню.

Лев спал с температурой.

Я сидела с ноутбуком возле его комнаты.

Макар позвонил и сказал, что график изменился.

Что утром появилась ранняя встреча.

Что ехать ночью глупо.

Я тогда ещё сказала: «Конечно оставайся. Не мотайся».

И попросила его поспать хотя бы несколько часов.

– Причина указана? – спросила я.

– В комментарии нет.

– В календаре на следующее утро была встреча?

Юлия замолчала.

– Не было?

– Была поставлена позднее.

Я подняла взгляд.

– Позднее чего?

– Позднее продления бронирования.

В кабинете работала вентиляция.

За стеклом Илья показывал кому-то чертёж и отчаянно размахивал руками.

Люди ходили с ноутбуками.

Телефоны звонили.

Никто не замечал, что один старый файл только что изменил цвет моего декабря.

– Насколько позднее?

– Милена.

– Это рабочие данные?

– Да.

– Тогда скажите.

– Сначала продлили проживание и перенесли возвращение. Потом появилась встреча на следующее утро.

– Кто её поставил?

– Макар прислал мне контакт и попросил добавить.

– Во сколько?

– На утро.

– А сама встреча подтверждалась второй стороной?

Юлия медленно покачала головой.

– Я не знаю. Через меня подтверждение не проходило.

Вот она, граница.

Не доказательство.

Даже не ложь.

Человек мог договориться устно.

Мог сначала решить остаться, потом поставить встречу.

Мог изменить маршрут по десятку причин.

Но Макар сказал мне обратное.

Не «я решил остаться, а заодно встретиться утром».

Он сказал, что вынужден остаться именно из-за ранней встречи.

– Вы помните эту поездку? – спросила я.

– Да.

– Почему?

Юлия посмотрела на лист.

– Возникла проблема с переносом бронирования. Пришлось делать всё вечером.

– И?

– Ничего.

– Юлия.

Её лицо стало закрытым.

– Вы просили факты.

– Да.

– Тогда это всё.

Я посмотрела на неё.

И неожиданно поняла, что она права.

Так непривычно права.

Макар три дня пытался объяснять мне смысл фактов.

Кира объясняла свою версию.

Я сама искала смысл в каждой паузе.

Юлия впервые дала мне роскошь не толковать.

Вечером двенадцатого декабря Макар поменял возвращение.

Продлил проживание на ночь.

Встреча, которой он объяснил мне необходимость остаться, появилась в календаре уже после этого.

Точка.

Всё остальное пока было моими выводами.

– Хорошо, – сказала я. – Дальше.

Юлия посмотрела на меня с лёгким удивлением.

– Вы не хотите спросить, была ли там Кира?

– А вы знаете?

– Нет.

– Тогда зачем?

Она перевернула следующий лист.

– Январь?

– Январь.

До января мы не дошли.

Дверь моего кабинета открылась без стука.

Макар.

С ним в офисе вообще теперь всё выглядело странно.

Он приходил на работу из другого дома.

Мы здоровались при сотрудниках.

Обсуждали клиентов.

Могли одновременно стоять возле кофемашины, и никто не знал, нужно ли уходить или, наоборот, вести себя особенно естественно.

Я пока не знала сама.

Макар увидел Юлию.

Потом бумаги на столе.

– Можно тебя на минуту?

– Если по работе, говори.

– Наедине.

Юлия уже собиралась встать.

– Останьтесь, – сказал Макар.

Она замерла.

Я посмотрела на него.

– Ты хотел поговорить со мной наедине и просишь Юлию остаться?

– Потому что разговор касается её тоже.

Он закрыл дверь.

– Мне только что сообщили, что ты поднимаешь мой календарь за прошлый год.
– Сообщили быстро.
– Мы работаем в одной компании.
– Пока да.
Макар пропустил.
– Что ты пытаешься найти?
– Рабочие поездки и расходы, которые требуют проверки.
– Не надо.
– Что именно?
– Называть это рабочей проверкой. Ты ищешь подтверждение моей измены.
Юлия сидела прямо, положив руки на планшет.
Я посмотрела на Макара.
– Ты сказал, всё началось весной.
– И теперь ты собираешь мои передвижения за год?
– За рабочее время на деньги компании.
– Не играй словами.
– Я как раз перестала.
Он повернулся к Юлии.
– Юля, вы не обязаны участвовать в нашем семейном конфликте.
Её лицо стало ещё спокойнее.
– Я не участвую.
– Вы передаёте Милене мой архивный график.
– В части корпоративных поездок и бронирований.
– Вы прекрасно понимаете, зачем он ей.
– Я понимаю запрос, который получила.
Макар коротко усмехнулся.
– Не надо этой канцелярии.
Юлия моргнула.
– Тогда сформулируйте претензию иначе.
Я едва не улыбнулась.
Когда на неё давили, она действительно становилась похожа на письмо из налоговой.
Макар это тоже понял.
– Хорошо. Есть личные встречи, которые не имеют отношения к М2.
– Их я не передаю.
– Есть изменения графика, причины которых вы не знаете.
– Именно поэтому я не комментирую причины.
– Но Милена сделает выводы.
Юлия впервые посмотрела не на него, а на меня.
– Это не относится к моим обязанностям.
– Юля.
– Макар Андреевич, я передаю данные о бронированиях, оплаченных компанией, и изменениях рабочего календаря. Если вы считаете, что конкретный документ не относится к деятельности М2, скажите какой.
Он замолчал.
Я знала это выражение.
Так Макар смотрел на человека, который не соглашался играть по его правилам, но формально не давал ни одного повода обвинить себя.
– Все бронирования были рабочими, – сказал он.
– Тогда вопрос снят, – ответила Юлия.

Тишина.

Мне пришлось опустить глаза на бумаги.

Не от смеха.

От удивления.

Пять лет Макар считал её почти продолжением собственной руки.

Юлия находила ему билеты в последний момент, переносила встречи, спасала сорванные стыковки, помнила, кому он обещал позвонить, когда сам забывал.

Он принял профессиональную надёжность за личную принадлежность.

Знакомая ошибка.

– Оставь нас, пожалуйста, – сказал он.

Юлия посмотрела на меня.

Я кивнула.

– Спасибо. С январём продолжим позже.

Она собрала планшет и бумаги, которые не относились к моему экземпляру.

У двери Макар произнёс:

– Юля.

Она обернулась.

– Да?

– Никаких личных данных.

– Я это уже сказала.

И вышла.

Макар подождал, пока дверь закроется.

– Ты довольна?

– Чем?

– Тем, что втягиваешь сотрудников.

– Ты только что сам пытался втянуть её на свою сторону.

– Я пытался защитить границы.

– Поздновато у тебя проснулась любовь к границам.

Он отвернулся к стеклу.

– Что ты нашла?

– А ты чего боишься?

– Ничего.

– Тогда зачем пришёл?

– Потому что это унизительно.

– Для кого?

– Для всех.

– Олега унизили расходы. Юлию сейчас попытались унизить недоверием к её профессионализму. Меня унизили немного раньше. Кто остался?

– Ты получаешь удовольствие.

Я посмотрела на него.

Эта фраза оказалась настолько нелепой, что даже злость не пришла сразу.

– От чего?

– От возможности теперь поставить меня под микроскоп. Проверить каждый день, каждую поездку, каждую цифру.

– Нет.

– По тебе не видно.

– Потому что ты всё ещё считаешь, что знаешь, как должна выглядеть моя боль.

Он резко повернулся.

– Я знаю тебя восемнадцать лет.

– И всё равно решил, что я подожду до тридцатого октября.

Макар провёл ладонью по лицу.

– Опять сделка.

– Ты сам сделал её частью нашей спальни. Не жалуйся, что она теперь в каждом разговоре.

– Что ты нашла?

Второй раз.

Теперь я услышала главное.

Не «зачем ищешь».

Не «это неправильно».

Что ты нашла.

Я сложила распечатки ровной стопкой.

– В декабре ты переносил возвращение из поездки.

Он не изменился в лице.

Почти.

– Я постоянно переносил поездки.

– Эту я помню.

– И?

– Ты сказал, что вынужден остаться из-за ранней встречи.

– Значит, так и было.

– Встречу поставили в календарь после того, как ты уже продлил проживание и перенёс возвращение.

Пауза.

– И что?

– Ничего.

Он нахмурился.

– В смысле?

– Ровно в том. Это ничего не доказывает.

Макар смотрел на меня, явно не ожидая.

– Тогда к чему этот разговор?

– К тому, что твоя версия больше не является для меня фактом только потому, что ты её произнёс.

– Господи.

– Если была встреча, будет подтверждение. Если поездка была рабочей, останутся документы. Если расход был деловым, мы увидим основание.

– А если не увидите?

– Тогда задам вопрос.

– И так весь год?

– Столько, сколько потребуется для компании.

– Для компании?

Он усмехнулся.

– Ты правда сама в это веришь?

Я встала.

– Знаешь, что изменилось за эти четыре дня?

– Просвети.

– В понедельник я хотела, чтобы ты признался.

Его лицо стало неподвижным.

– Во всём. Сам. Чтобы сел напротив и хотя бы один раз рассказал правду от начала до конца. Мне почему-то казалось, что тогда я смогу понять, где заканчивается ложь.

– Я готов разговаривать.
– Уже не нужно.
– Милена.
– Потому что теперь я поняла одну простую вещь. Твоё признание тоже будет версией.
Он отступил на полшага.
Совсем немного.
Но я увидела.
– Ты решила вообще мне не верить.
– Нет. Я решила проверять то, что имеет последствия для меня и М2.
– Это одно и то же.
– Только если ты снова врёшь.
Макар сжал челюсть.
– В декабре между мной и Кирой ничего не было.
Я не собиралась спрашивать.
Он сказал сам.
И этим сделал декабрь гораздо важнее.
– Я не спрашивала про Киру.
– Но именно поэтому ты копаешь декабрь.
– Я поднимаю поездку.
– Хватит, Милена. Я понимаю, что происходит.
– Отлично. Тогда иди работать.
– Ты меня не слышишь.
– Слышу прекрасно.
– Между мной и Кирой всё началось весной.
Я посмотрела на него.
Та же фраза.
Почти теми же словами.
Только в понедельник она звучала как объяснение.
Сегодня как защита.
– Хорошо.
– Что снова значит это твоё «хорошо»?
– Значит, я запомнила.
Он постоял ещё несколько секунд.
Потом вышел.
На этот раз дверь закрыл тихо.

Юлия вернулась через двадцать минут.
Без вопроса о нашей ссоре.
С ещё одной распечаткой.
– Нашла письмо по той декабрьской поездке.
Я указала на кресло.
– Садитесь.
– Здесь подтверждение изменения бронирования.
Она положила передо мной лист.
Я пробежала глазами.
Рабочая программа.
Окончание мероприятий.
Исходное возвращение.
Потом отдельное письмо на продление проживания и перенос.

– Это Макар отправил вам?
– Да.
– После окончания официальной программы?
– Да.
Я посмотрела на время письма.
Не потому, что оно что-то доказывало.
Просто фиксировала.
– А встреча на следующее утро?
Юлия положила второй лист.
– Вот запрос добавить её в календарь.
Он был отправлен позже.
Я свела бумаги рядом.
Сначала Макар решил остаться.
Потом появилась причина, которой он объяснил своё отсутствие мне.
И даже это ещё ничего не доказывало.
Я повторила про себя специально.
Не доказывало.
– Есть подтверждение от человека, с которым он встречался?
– Пока не нашла.
– Не ищите специально.
Юлия подняла глаза.
– Почему?
– Потому что вы не следователь.
– А вы?
Вопрос был настолько неожиданным, что я чуть не улыбнулась.
– Тоже нет.
– Тогда что мы делаем?
Я посмотрела на два листа.
– Возвращаем компании нормальную память.
Юлия кивнула.
Наверное, это объяснение ей понравилось больше семейного.
Она уже встала, когда я спросила:
– Юль, вчера вы сказали, что не стали бы начинать с весны.
– Да.
– Вы имели в виду только эту поездку?
Её пальцы замерли на планшете.
– Нет.
– Что ещё?
Она помолчала.
– В конце ноября Макар несколько раз просил оставлять часть встреч без подробных названий.
Я не двигалась.
– Это было необычно?
– Не настолько, чтобы я тогда сделала вывод.
– А сейчас?
Юлия посмотрела прямо на меня.
– Сейчас я всё равно не делаю выводов.
И ушла.
Я осталась одна.

Конец ноября.

Декабрьская поездка.

Пустые окна.

Перенесённое возвращение.

Ни одного доказательства измены.

Только несколько маленьких фактов, каждый из которых по отдельности ничего не значил.

Я взяла ручку.

На чистом листе написала:

«Макар: всё началось весной».

Ниже:

«Факт: изменения графика есть с конца ноября».

Потом:

«Факт: декабрьское возвращение перенесено до появления утренней встречи в календаре».

И остановилась.

Раньше я строила здания примерно так же.

Не начинала с того, каким хочу увидеть результат.

Сначала смотрела, что выдерживает нагрузку.

Что имеет опору.

Где несущая конструкция, а где красивая перегородка.

Версия Макара про весну пока держалась только на его словах.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Олега.

«Нашёл расходы по декабрьской поездке. Есть несколько позиций, которые лучше посмотреть вместе».

Я перечитала.

Потом перевернула лист и написала одно слово.

«Зима».

Глава 6. Имя, на которое Ася замолчала

В субботу утром я впервые поняла, что развод меняет не только адрес одного взрослого.

Он меняет расположение зубных щёток, содержимое холодильника и значение слова «потом».

Раньше суббота начиналась без расписания.

Лев приходил на кухню в носках разного цвета, открывал все шкафы подряд и спрашивал, что будет на завтрак, хотя прекрасно видел сковороду. Ася появлялась позже, с телефоном в руке и выражением человека, которого семья без уважительной причины разбудила в выходной.

Макар обычно варил кофе.

Я готовила что-нибудь детям.

Иногда мы спорили, кто поедет за продуктами, а потом ехали вместе, потому что каждому внезапно требовалось выбрать что-то самому.

Сегодня на кухне нас было трое.

И Лев принёс лист бумаги.

Клетчатый, вырванный из школьной тетради.

Он положил его рядом с моей чашкой.

– Нужно написать.

Я посмотрела на лист.

– Что?

– Неделю.

– В календаре есть неделя.

– Не такая.

Лев достал пенал, выбрал зелёную ручку и начал проводить линии.

Понедельник.

Вторник.

Среда.

Он писал медленно, высунув кончик языка, и старательно оставлял между днями одинаковое расстояние.

Я не сразу поняла.

Потом увидела две колонки.

«Мама».

«Папа».

Вчера он ночевал у Макара впервые.

Вернулся утром с рюкзаком, в котором лежали две футболки, зубная щётка и один носок неизвестного происхождения. Рассказывал, что диван в гостиной слишком жёсткий, а сосед сверху зачем-то двигает стулья ночью.

Я слушала и радовалась каждому бытовому недовольству.

Жёсткий диван был лучше страха.

Шумный сосед был лучше вопроса, вернётся ли папа домой.

Теперь Лев собирал свою новую жизнь в таблицу.

– В понедельник кто меня забирает?

– Я.

Он вписал букву «М».

– Во вторник?

Я открыла телефон.

– Бабушка после школы, потом я приеду.

– Какая бабушка?

– Моя мама.

Он нахмурился.

– Напиши «Раиса».

– Это моя таблица.

– Тогда пиши сам.

Он написал.

В среду должен был забрать Макар.

В четверг я.

В пятницу у Льва была робототехника, и Макар уже второй раз подтвердил, что приедет.

Сын обвёл пятницу дважды.

Я следила за ручкой и вдруг поняла, зачем ему это понадобилось.

Не расписание.

Доказательство.

Если папа записан зелёной ручкой в пятницу, значит, в пятницу папа существует.

Если мама стоит возле понедельника, значит, утром понедельника не нужно заново спрашивать, кто придёт.

В девять лет стабильность помещалась на тетрадном листе.

– А суббота?

– Следующая?

– Да.

– Ещё не решили.

Лев сразу поднял голову.

– Почему?

– Потому что до неё неделя.

– Но она всё равно будет.

Я посмотрела на него.

– Будет.

– Тогда надо решить.

Он был прав в своей детской логике. То, что взрослым казалось далёким и требующим обсуждения, детям уже существовало впереди и требовало формы.

– Хорошо. Сегодня поговорю с папой.

Лев оставил клетку пустой, но поставил в ней вопросительный знак.

Потом ещё один.

Я отобрала ручку.

– Одного достаточно.

– А вдруг вы забудете?

– Не забудем.

Он посмотрел так, будто последние дни серьёзно снизили нашу кредитоспособность.

– Я напомню.

Ася вошла, когда таблица уже занимала половину стола.

Она была в широком сером свитере, волосы собраны кое-как. Взгляд скользнул по листу и задержался на двух колонках.

Ничего не сказала.

Взяла яблоко.

– Папа спрашивал, поедете ли вы к нему сегодня, – сказала я.

Лев оживился.

– Я могу.

– Ты только приехал.

– И что?

– Ничего. Можешь.

Я посмотрела на Асю.

Она уже направлялась к двери.

– Ась?

– Нет.

– У тебя планы?

– Теперь есть.

Она вышла.

Лев поднял брови.

За последние дни он научился замечать напряжение раньше, чем мы успевали его спрятать.

Я сделала вид, что изучаю расписание.

– Хочешь к папе после обеда?

– А Ася?

– Ася не хочет.

– Она на него злится?

Я медленно свернула его таблицу.

– Ася сама расскажет, если захочет.

– Она вчера тоже не поехала.

– Я знаю.

– А если она больше никогда не поедет?

Вот этого я не знала.

И не собиралась отвечать за пятнадцатилетнего человека так, будто у него не было собственной воли.

– «Никогда» очень долго, Лёв.

– А вы с папой тоже «никогда»?

Он спросил без драматизма, рассматривая зелёную ручку.

Я уже поняла, что самые трудные вопросы он задавал именно так.

Будто спрашивал, покупать молоко или хлеб.

– Мы больше не будем жить как муж и жена.

– Это «никогда»?

Я провела пальцем по краю листа.

– Да.

Он кивнул.

Не заплакал.

Не потребовал объяснений.

Просто забрал таблицу и дописал возле моего имени домашний адрес.

Будто на всякий случай.

Олег прислал сообщение около полудня.

«По зимним расходам всё поднял. В понедельник покажу подборку».

Я увидела уведомление и не открыла вложение.

Вчера я сама написала на листе слово «зима».

Сегодня оно будто продолжало лежать где-то рядом.

В декабре Макар уже менял поездки.

Оставлял пустые окна.

Создавал встречу после того, как принял решение остаться.

Ничего из этого пока не доказывало существование Киры в его постели.

Я повторяла это себе почти профессионально.

Не доказательство.

Не факт.

Совпадение, которое требует проверки.

Но было ещё кое-что, чему я никак не могла подобрать правильную колонку.

Ася.

Её вчерашнее сообщение.

Её реакция утром.

Я могла открыть дверь её комнаты прямо сейчас.

Сесть рядом.

Спросить.

«Где ты видела Киру?»

«Когда?»

«С кем?»

«Что они делали?»

Четыре коротких вопроса.

Возможно, четыре коротких ответа.

Именно поэтому я не пошла.

Я слишком хорошо знала, что бывает, когда взрослый человек уже хочет услышать определённую версию.

Он начинает задавать вопросы так, чтобы оставить место только для неё.

Я последние дни обвиняла в этом Макара.

Не собиралась повторять его метод на собственной дочери.

Вместо этого загрузила посудомоечную машину.

Поменяла полотенца.

Разобрала бельё.

Нашла под кроватью Льва носок, который подозрительно подходил ко второму, приехавшему от Макара.

Вернула пару в ящик.

Простые действия неожиданно требовали больше внимания, чем раньше.

В спальне всё ещё стоял шкаф Макара.

Половина полок опустела.

Он забрал костюмы, часть рубашек, обувь, документы.

Остались вещи, которые не понадобились в первые дни.

Свитер.

Старая спортивная куртка.

Футболка, которую он носил дома.

Я закрыла дверцу.

Не потому, что не могла смотреть.

Потому что не хотела превращать шкаф в алтарь собственной обиды.

В коридоре зазвонил телефон Аси.

Через несколько секунд она вышла из комнаты.

– Я пойду прогуляюсь.

– Хорошо.

– С Катей.

– Хорошо.

Она уже обувалась, когда мой телефон на кухонной стойке загорелся.

На экране появилось имя.

Кира Белова.

Не сообщение.

Письмо в рабочей почте.

Тема была нейтральной: материалы по гостиничному проекту.

Я даже не успела взять телефон.

Ася увидела раньше.

Всего одно мгновение.

Её рука остановилась на шнурке.

Потом она продолжила завязывать.

Но слишком медленно.

– Ась.

– Что?

– Ты знаешь Киру?

– Ты серьёзно?

Я не ожидала такой резкости.

– Да.

Она выпрямилась.

– Теперь решила спросить?

– Я спрашиваю сейчас.

– Очень вовремя.

– Что это значит?

Ася схватила куртку.

– Ничего.

Лев выглянул из комнаты.

– Вы чего?

Я сразу замолчала.

Не потому, что вопрос перестал существовать.

Потому что в коридоре стоял девятилетний мальчик, который утром рисовал таблицу, чтобы родители не исчезали из дней неожиданно.

– Ничего, – сказала я.

Ася посмотрела на меня.

В её лице мелькнуло что-то сложное.

Злость.

И почти благодарность за то, что я не продолжила.

– Я пошла.

Дверь закрылась.

Лев ещё немного постоял.

– Она опять злится?

– Похоже.

– На тебя или папу?

– Думаю, сегодня на всех.

Он удовлетворился этим и ушёл.

Я взяла телефон.

Письмо Киры было действительно рабочим.

Она прислала исправленные материалы по проекту и попросила подтвердить, кому теперь передавать дальнейшие файлы после изменения структуры согласований.

Ни одной личной фразы.

Я ответила Софье в копии.

Коротко.

По делу.

Потом закрыла почту.
Не стала писать Кире: «Почему моя дочь знает ваше имя?»
Не стала писать Макару.
Впервые за несколько дней я сознательно оставила вопрос без немедленного действия.
Было неприятно.
Как оставить криво висящую картину и пройти мимо.
Но Ася не была картиной.

Вечером Лев уехал к Макару.
Он сам захотел.
Таблицу взял с собой.
– Папа должен проверить среду.
– Пусть проверит.
– И субботу.
– Субботу решим вместе.
– Вы будете звонить друг другу?
– Да.
– Не через меня?
Я посмотрела на него.
Наше правило он запомнил лучше нас.
– Не через тебя.
Он кивнул и побежал к лифту.
Макар стоял возле открытых дверей.
Мы не подошли друг к другу.
Не обсуждали Киру.
Не обсуждали декабрь.
Я только сказала, что Лев хочет точное расписание следующей недели.
Макар посмотрел на лист в его руках и стал серьёзнее.
– Сделаем.
– И не обещай того, что не сможешь выполнить.
Он выдержал мой взгляд.
– Понял.
Двери лифта закрылись.
Я вернулась в квартиру.
Аси всё ещё не было.
Когда она пришла, было почти девять.
Я услышала ключ.
Потом шорох куртки.
Шаги прошли мимо кухни.
– Ась.
Она остановилась.
Я сидела за столом с ноутбуком, но за последние полчаса так и не прочитала страницу, открытую на экране.
– Если ты устала, можем завтра.
– О чём?
– О Кире.
Её лицо снова закрылось.
– Я не хочу.
– Хорошо.

Кажется, именно это её и удивило.
– Всё?
– Всё.
– Ты даже не спросишь, почему я так отреагировала?
– Ты сказала, что не хочешь говорить.
– А если это важно?
– Тогда расскажешь, когда сможешь.
Ася постояла.
– Странно.
– Что?
– Ты всегда задаёшь сто вопросов.
– Работа архитектора.
– Я не проект.
– Я помню.
Она ушла в комнату.
Через минуту дверь закрылась.
Я снова посмотрела на ноутбук.
Не прочитала ни строчки.

В воскресенье Петербург был серым и мокрым.
Не ливень.
Мелкий дождь, который город почти не замечал.
Мы с Асей вышли после обеда за кофе и почему-то пошли дальше, хотя обе собирались вернуться через десять минут.
Она держала бумажный стакан двумя руками.
Я не стала заводить разговор сразу.
Мы прошли несколько кварталов.
На перекрёстке Ася остановилась возле витрины книжного, потом передумала заходить.
Телефон она почти не доставала.
Для неё это уже было признаком серьёзности происходящего.
– Лев показал мне таблицу, – сказала она.
– Он теперь наш диспетчер.
– Там всё по часам.
– Ему так спокойнее.
Она кивнула.
– Папа правда будет забирать его в среду?
– Да.
– А если не сможет?
– Тогда скажет заранее.
– Он часто говорит одно, потом другое.
Фраза прозвучала буднично.
Я не спросила, о чём именно она.
Мы пошли дальше.
У воды ветер стал сильнее. Ася спрятала подбородок в ворот свитера.
Я вспомнила себя в пятнадцать.
Как мне казалось, что взрослые обладают знаниями, которых у меня ещё нет.
Что их решения почти всегда имеют причину.
Что если мама говорит «так надо», значит, где-то существует правильное объяснение.
Потом взрослеешь и обнаруживаешь: иногда объяснения нет.

Есть только человек, который хотел удобного результата.

– Ты не обязана сейчас выбирать, с кем ты, – сказала я.

Ася повернула голову.

– Я с собой.

– Это хороший вариант.

– Папа, наверное, считает иначе.

– Папа может считать что угодно.

– Ты на него злишься.

– Очень.

– Но защищаешь.

– Нет.

Я остановилась возле парапета.

– Я не защищаю его. Я защищаю тебя от необходимости быть судьёй.

Она смотрела на воду.

– А если я знаю что-то?

Вот теперь я почувствовала страх.

Не тот, который был у квартиры Киры.

Не тот, который появлялся рядом с цифрами Олега.

Другой.

Я вдруг увидела последние месяцы глазами дочери.

Пятнадцатилетняя девочка могла заметить взгляд.

Сообщение.

Случайную встречу.

Неправильное прикосновение.

Услышать имя.

Спросить отца.

Получить объяснение.

И потом сидеть с нами за одним столом.

Не зная, ошиблась она или нет.

– Тогда это знание не делает тебя ответственной за то, что происходило между взрослыми.

Ася поморщилась.

– Ты даже не знаешь, о чём я.

– Не знаю.

– Может, если бы я сказала раньше…

– Нет.

Она резко посмотрела на меня.

– Ты не можешь сказать «нет», не услышав.

– Могу.

– Почему?

– Потому что тебе пятнадцать. Какую бы вещь ты ни увидела, взрослый человек обязан был сам отвечать за свои поступки. Не ты.

Ася отвернулась.

Капля дождя повисла у неё на реснице.

Она смахнула её раздражённо.

– Ты сейчас говоришь как психолог из интернета.

– Отвратительно.

– Очень.

– Но смысл не меняется.

Мы пошли дальше.
Несколько минут молчали.
Я не торопила.
Это оказалось труднее, чем задавать вопросы.
Молчание оставляет человеку возможность не дать тебе то, чего ты хочешь.
А мне хотелось.
Хотелось знать, почему Ася напряглась при имени Киры.
Хотелось получить ещё одну дату.
Соединить её с ноябрём, декабрём, апрелем.
Понять, сколько месяцев моей жизни Макар разложил по разным версиям.
Но рядом шла моя дочь.
Не свидетель.
Не источник.
Дочь.
– Я слышала её имя раньше, – сказала Ася сама.
Я не повернула голову.
– В офисе?
– Нет.
Мы сделали ещё несколько шагов.
– Где?
Она тут же закрылась.
Я услышала это даже не по ответу.
По тому, как изменилась походка.
– Неважно.
Первым желанием было остановить её.
«Нет, важно».
«Скажи».
«Когда?»
Я не сказала.
– Хорошо.
Ася посмотрела на меня почти сердито.
– Почему ты не спрашиваешь?
– Потому что ты не хочешь отвечать.
– А тебе не интересно?
Я усмехнулась.
– Ась, мне сейчас интересно всё. Я могла бы составить анкету на двадцать страниц.
Она невольно улыбнулась.
Совсем чуть-чуть.
– И таблицу.
– С цветами.
– Это уже папино.
Улыбка исчезла так же быстро.
Мы дошли до дома молча.
У подъезда Ася выбросила пустой стакан.
Я уже решила, что на сегодня разговор закончен.
И была почти рада.
Не знанию.
Тому, что не вытащила его силой.
В лифте она стояла, прислонившись к зеркалу.

Смотрела на цифры этажей.
На нашем вышла первой.
Сняла куртку.
Поставила обувь ровно, хотя обычно бросала как попало.
Я прошла на кухню.
Через минуту услышала её шаги за спиной.
– Мам.
Я обернулась.
Ася стояла в дверях своей комнаты.
– Да?
Она сжала пальцы на ручке.
– Я тогда спросила у папы.
У меня похолодели ладони.
– О Кире?
Ася кивнула.
Я ждала.
Она тоже будто ждала, что я наконец начну спрашивать.
Не начала.
И тогда дочь тихо сказала:
– Он сказал, что она просто расстроилась из-за работы.

Глава 7. Кафе

В понедельник утром Ася сама поставила передо мной чашку.

Не свою.

Мою.

Ту самую белую, с тонкой золотой полосой по краю, которую обычно брала только я.

Она налила кофе слишком крепкий, без молока, хотя прекрасно знала, как я пью.

Потом села напротив и подтянула колени к груди.

Я поняла: разговор будет.

Не стала помогать ему начаться.

После вчерашнего я наконец усвоила, что молчание не всегда нужно срочно заполнять.

За окном висело тяжёлое петербургское утро. Серое небо почти сливалось с домами. На кухне тикали часы, которые Макар хотел заменить уже года три.

Теперь почему-то особенно раздражало, что они всё ещё висели.

Ася крутила ложку между пальцами.

– Это было третьего июля.

Я поставила чашку.

Она смотрела не на меня.

На стол.

– Ты уверена в дате?

– Да.

– Почему?

– Потому что на следующий день мы с Катей уехали к её бабушке. Я помню.

Я кивнула.

Не достала телефон.

Не открыла календарь.

Не спросила, во сколько.

Пока нет.

– Я ждала Катю возле кафе, – продолжила Ася. – Она опаздывала. Я увидела папу через окно.

Она замолчала.

У окна стоял горшок с базиликом. Летом Макар зачем-то решил выращивать его сам. Сейчас зелень вытянулась и побледнела, но я всё не выбрасывала.

Третье июля.

Лето.

Мы тогда ещё были семьёй, которой ничего не угрожало.

По крайней мере в моей версии.

– Он был с Кирой? – спросила я.

Ася кивнула.

Она уже не выглядела сердитой.

Хуже.

Смущённой.

Будто именно ей предстояло признаться в чём-то неправильном.

– Я её знала в лицо. Она несколько раз была у вас в офисе. И на открытии того ресторана.

Я помнила.

Кира тогда стояла рядом с клиентом, говорила о бренде и смеялась над какой-то фразой Макара.

Я тоже смеялась.

Воспоминания в последние дни вели себя подло. Возвращали не то, что хотелось понять, а самые обычные детали.

Чей бокал стоял рядом.

Кто кому подал пальто.

Кто задержался после мероприятия.

Я не позволила себе уйти туда.

– Что ты увидела?

Ася сжала ложку.

– Ничего такого.

Фраза прозвучала почти точно как вчерашнее объяснение Макара про декабрь.

Ничего такого.

Удобная единица измерения.

– Хорошо.

Она подняла глаза.

– Ты не будешь вытягивать?

– Нет.

– Мам.

– Я слушаю.

Ася отодвинула чашку, хотя почти не пила.

– Они сидели не напротив.

Я ждала.

– Рядом. На диване у стены.

Кафе начало складываться в моей голове слишком легко.

Я не знала его интерьера.

Не знала цвета стен.

Но уже видела Макара рядом с Кирой.

Пришлось остановить собственное воображение.

Мне нужны были слова дочери, а не фильм, который я сниму сама.

– Она была расстроена, – сказала Ася. – Правда. Я сначала подумала, что у них какая-то проблема по работе.

– Почему?

– Она плакала.

Я провела пальцем по краю чашки.

Вот откуда фраза.

«Она просто расстроилась из-за работы».

Не полностью выдуманная ложь.

Лучшие Макар строил именно так.

Брал настоящий кусок и ставил вокруг него удобные стены.

– А папа?

Ася пожала плечами.

– Успокаивал.

– Как?

Она посмотрела на меня с раздражением.

Не на вопрос.

На необходимость произносить ответ.

Я сразу поняла.

– Прости. Можно не описывать.

– Нет.

Она резко выдохнула и уставилась в окно.

– Просто было странно. Он держал её за руку.

Я ничего не сказала.

– Не как здороваются, – добавила Ася. – Долго.

Ложка легла на стол.

– А потом она что-то сказала, и он наклонился к ней совсем близко. Я вошла, потому что уже увидела его и было бы глупо делать вид, что не видела.

Я представила пятнадцатилетнюю Асю, открывающую дверь кафе.

Не мать.

Не ревнивая жена.

Девочка, которая видит своего отца рядом с женщиной из родительского офиса и ещё не знает, какое значение разрешено придать увиденному.

– Когда он меня заметил, – продолжила Ася, – сразу убрал руку.

Вот теперь мне пришлось опустить глаза.

Не из-за Макара.

Из-за неё.

Сколько месяцев эта маленькая деталь жила у неё в памяти?

Одно движение руки.

Достаточное, чтобы насторожить.

Недостаточное, чтобы обвинить.

– Он вышел за тобой?

– Да.

– Сам?

– Кира осталась.

Ася снова начала крутить ложку.

– Он спросил, что я там делаю. Я сказала про Катю. Потом он сказал, что Кира очень расстроилась из-за работы и у неё проблемы с одним проектом.

– И всё?

– Нет.

Она помолчала.

Я уже знала, что сейчас будет хуже.

Не потому, что откроется роман.

Он уже открыт.

Потому что дальше речь пойдёт не о Кире.

Об Асе.

– Он спросил, не придумала ли я чего-нибудь.

Я почувствовала, как пальцы сжались вокруг чашки.

– В каком смысле?

– Так и сказал. «Ты там ничего себе не придумала?»

Ася попыталась передать его интонацию и тут же отвернулась.

Я узнала её.

Лёгкую.

Почти насмешливую.

Ту, которой Макар снимал напряжение, когда хотел показать, что проблема существует только в чужой голове.

– Я сказала, что нет.

– Потому что поверила?

– Потому что он был папой.

Ответ оказался настолько простым, что мне нечего было добавить.

Ася наконец посмотрела на меня.

– Он ещё сказал, что ты и так нервничаешь из-за сделки. Чтобы я не приходила домой с глупостями, от которых тебе станет хуже.

Я закрыла глаза.

На одну секунду.

Этого хватило.

Гнев, который последние дни метался между квартирой Киры, декабрьской поездкой и словами Макара про весну, вдруг нашёл точное место.

Он не только солгал дочери.

Он заставил её считать собственное сомнение потенциальным вредом для меня.

Не говори маме.

Маме и так тяжело.

Не потому, что я сделал что-то, о чём она должна знать.

Потому что ты можешь придумать глупость.

Удобно.

Очень.

Ася смотрела на меня и ждала.

Я поставила чашку подальше.

– Послушай меня.

Она напряглась.

– Я ничего не хочу…

– Знаю. Поэтому скажу только один раз.

Я не стала брать её за руку.

В пятнадцать лет прикосновение иногда было поддержкой, а иногда ловушкой, из которой нужно вежливо не вырываться.

– Ты ничего не должна была мне говорить третьего июля.

На её лице появилось недоверие.

– Мам.

– Ничего.

– Но я видела.

– Ты увидела сцену, которую взрослый человек сразу тебе объяснил.

– Очень удобно объяснил.

– Да.

– И я поверила.

– Потому что он твой отец.

Она стиснула зубы.

– Значит, я дура.

– Нет.

– А кто?

– Ребёнок, которому соврал взрослый.

Слово «ребёнок» ей не понравилось.

Я увидела.

– Мне пятнадцать.

– Именно.

– Не пять.

– Именно.

Она почти разозлилась.

И это было хорошо.

Злость возвращала её на своё место.

Не в свидетели.

Не в соучастники.

В дочь.

– Ты могла решить, что папа странно ведёт себя с коллегой, – сказала я. – Могла сомневаться. Могла поверить его объяснению. Могла вообще забыть через два дня. Ни один из этих вариантов не делает тебя ответственной за то, что он мне лгал.

Ася молчала.

– Если бы я сказала, ты бы…

Она не закончила.

– Что?

– Не знаю. Раньше узнала.

– Возможно.

– Тогда…

– Нет.

На этот раз я остановила сразу.

– Не строй из этого задачу, где нужно найти момент, когда ты могла спасти наш брак.

Она отвернулась.

Вот оно.

Значит, думала.

Наверняка не с вчерашнего дня.

– Ты не могла.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что спасать его должен был человек, который в нём состоял.

– Папа?

– Папа отвечал за свою часть.

Я не сказала «разрушил».

Не сказала «предал».

Ей не требовались мои слова для того, что она уже чувствовала.

– А ты?

Вопрос был честным.

Я кивнула.

– И я отвечала за свою. За наши ошибки, за то, что мы мало разговаривали, за то, что оба жили работой. Но отношения с Кирой были его решением. Не твоим. И не моим.

Ася провела ладонью по лицу.

Точь-в-точь как Макар.

Я раньше часто замечала их похожиежесты и радовалась.

Сегодня это не ранило.

Это был её отец.

Развод не обязан был отобрать у неё даже движения.

– Я не хочу с ним говорить, – сказала она.

– Хорошо.

– Он пишет.

– Знаю.

– Ты ему говорила, чтобы он писал?

– Нет.

– Он просил тебя поговорить со мной?

Я посмотрела на неё.

Вчера вечером Макар прислал сообщение.

«Она игнорирует. Объясни ей хотя бы, что я не собирался впутывать её».

Я не ответила.

Сегодня утром пришло второе.

«Милена, это уже про Асю, не про нас».

Вот это было почти смешно.

Будто границу провела я.

– Просил.

Ася напряглась.

– И?

– Я не буду посредником.

Она долго смотрела.

– Вообще?

– Если речь о расписании, здоровье, школе, чём-то, что мы должны решить как родители, конечно будем разговаривать. Но я не буду убеждать тебя ответить папе только потому, что ему тяжело от твоего молчания.

Её глаза быстро увлажнились.

Ася тут же отвернулась.

В пятнадцать лет слёзы были почти личным поражением.

Я сделала вид, что не заметила.

– И не надо его заставлять извиняться передо мной, – сказала она.

– Не буду.

– И говорить, что он меня любит.

– Тоже.

– Я знаю, что любит.

Вот теперь я едва удержалась.

Не от слёз.

От боли за неё.

Потому что любовь снова существовала отдельно от поступка.

Как у нас.

– Хорошо, – сказала я.

Она встала.

Уже возле двери остановилась.

– Я правда думала, что это работа.

– Я знаю.

– Даже когда он убрал руку.

Я посмотрела на дочь.

– Ась.

– Что?

– Хватит судить себя задним числом информацией, которой тогда не было.

Она нахмурилась.

– Ты сама сейчас делаешь то же самое.

Я не ответила.

Потому что она опять попала.

В офис я приехала позже обычного.

На столе лежали две папки от Олега, но я их не открыла.

Сначала нашла третье июля.

Не в личном календаре Макара.

В рабочем.

У Киры в тот день действительно была встреча с командой М2.

Большой гостиничный проект, концепция бренда, корректировки перед клиентской презентацией.

С четырнадцати до семнадцати.

Ничего скрытого.

Ничего подозрительного.

Я открыла протокол.

Кира участвовала.

Макар тоже.

Софья.

Илья.

Ещё двое сотрудников.

Обычная рабочая встреча.

После неё в календаре Макара стоял звонок, отменённый в последний момент.

Затем пусто.

В финансовой системе нашёлся чек из кафе.

Представительский расход.

Два человека.

Без фамилий.

Я сидела и смотрела на строчку.

Третье июля.

Кафе.

Два человека.

Можно было сейчас решить, что это они.

Наверняка они.

Ведь Ася видела.

Но факт был другим.

Ася видела Макара и Киру в кафе.

Чек мог быть их.

Мог быть другим.

Даже если их, они оба работали в компании над реальным проектом.

Сам по себе кофе не становился доказательством романа.

Я открыла заметки.

Раньше на странице уже были:

«Макар: всё началось весной».

«Факт: изменения графика есть с конца ноября».

«Факт: декабрьское возвращение перенесено до появления утренней встречи в календаре».

Добавила:

«3 июля: Ася видела Макара с Кирой в кафе после рабочей встречи. Макар объяснил дочери личную сцену рабочей проблемой и попросил не тревожить меня».

Остановилась.

Потом ниже:

«Не доказывает начало связи».

Это было важно.

Почти физически важно.

Я больше не хотела заменять одну удобную версию другой.

Макар строил реальность так, чтобы она позволяла ему сохранить всё.

Я могла построить обратную.

Где каждый обед, каждый звонок и каждый рабочий чек с Кирой автоматически означали измену.

Тогда я ничем не отличалась бы от него в главном.

Подгоняла бы факты под нужный результат.

Нет.

Я хотела знать.

Именно знать.

Софья вошла без стука, увидела раскрытый календарь и остановилась.

– Можно?

– Уже.

Она поставила передо мной папку с корректировками структуры.

– Пётр прислал замечания.

– Сегодня?

– В восемь двадцать.

– Этот человек спит?

– Думаю, по расписанию.

Я закрыла вкладку с третьим июля.

Софья не спросила, что я искала.

Только заметила:

– Ты выглядишь так, будто нашла что-то плохое.

Я посмотрела на неё.

– Не новое.

– Тогда хуже.

– Почему?

– Новое хотя бы можно ненавидеть сразу. Старое приходится переписывать внутри головы.

Я откинулась на кресло.

– Ася видела Макара с Кирой в июле.

Софья замолчала.

– Только видела. Не надо додумывать.

Она кивнула.

– Поняла.

– Он сказал ей, что Кира расстроилась из-за работы.

Софья медленно села напротив.

– И?

– И попросил не рассказывать мне, чтобы я не нервничала перед сделкой.

У Софьи дёрнулась щека.

Она взяла ручку со стола, покрутила в пальцах и положила обратно.

– Вот теперь я хочу сказать очень много.

– Не надо.

– Я знаю.

Она посмотрела на закрытый календарь.

– Ася как?

– Злится. На него. На себя.

– На себя за что?

– За то, что поверила.

Софья выдохнула через нос.

– Великолепно.

– Соня.

– Молчу.

Мы действительно несколько секунд молчали.

Я не хотела обсуждать Макаров характер.

Не хотела в очередной раз разбирать, насколько мастерски он лгал.

Сейчас меня интересовало другое.

Масштаб привычки.

Не эпизодическая ложь любовнице.

Не ложь жене после разоблачения.

К июлю он уже умел быстро перестраивать версию для любого человека, который случайно видел лишнее.

Даже для дочери.

– Знаешь, что самое мерзкое? – сказала я.

Софья ждала.

– Не то, что он соврал Асе.

– А что?

– Что он дал ей роль. Она должна была защищать меня от лишнего стресса. Молчать ради сделки. Решить, что её сомнение опаснее его поведения.

Я посмотрела за стекло.

Макар разговаривал с Ильёй возле макета.

Спокойно.

Рабоче.

Показывал что-то на плане.

Издалека мы выглядели как компания, в которой собственники просто сидят в разных кабинетах.

– Он всё время кому-то выдавал роль, – сказала я. – Мне надо было быть женой, которая потерпит до сделки. Кире, видимо, ждать. Асе не придумывать. Олегу верить рабочим пояснениям. Юлии вести календарь и не задавать вопросов.

Софья не ответила.

Я посмотрела на неё.

И впервые подумала, какую роль Макар выдавал ей.

Но спрашивать не стала.

Ещё не сегодня.

В половине третьего Макар написал Асе.

Я узнала об этом не от него.

Она прислала мне скриншот.

«Можно я заберу тебя после школы? Просто кофе. Без разговоров, если не хочешь».

Следом:

«Мам, скажи ему, что я не хочу».

Я смотрела на сообщение несколько секунд.

Самый простой путь был ответить Макару.

«Не забирай её».

И всё.

Но тогда я снова становилась дверью между ними.

– Нет, – сказала я вслух пустому кабинету.

Написала Асе:

«Скажи ему сама одним сообщением. Можно просто: сегодня не хочу. Больше ничего объяснять не обязана».

Ответа не было минуты три.

Потом:
«Ладно».
Ещё через минуту:
«Написала».
Я положила телефон.
Почти сразу пришло сообщение от Макара.
«Спасибо».
Я нахмурилась.
Откуда он решил, что это моя заслуга?
Следующее:
«Хотя бы ответила».
Я не стала отвечать.
Он всё ещё считал контакт успехом.
Ася, вероятно, считала его границей.
Они сами разберутся, что означает одно и то же сообщение для каждого.
Без меня.

К вечеру офис опустел.
Я осталась из-за замечаний Northline и поняла это только когда за стеклом погасла половина света.
Пётр прислал сухой документ на шесть страниц.
Ни одного вопроса про развод.
Ни одного про Макара как мужа.
Только структура.
Риски.
Полномочия.
Что произойдёт, если один основатель временно выпадет из операционной деятельности.
Кто утверждает бюджет.
Кто отвечает клиенту.
Где заканчивается право Макара говорить от моего имени.
Последний пункт, конечно, был сформулирован иначе.
Но читала я именно так.
Странным образом эта деловая холодность успокаивала.
В мире по-прежнему существовали вопросы, на которые можно ответить схемой.
Я внесла правки.
Перенесла два блока.
Добавила подпись Софьи там, где раньше решение автоматически замыкалось на Макаре.
Потом заметила две папки Олега.
Те самые, которые он оставил утром.
На первой стикер:
«Декабрь. Поездка».
На второй:
«Сопутствующие расходы».
Я провела ладонью по обложке.
Не открыла.
Сегодня третьего июля было достаточно.
Я уже собиралась выключить ноутбук, когда телефон завибрировал.
Олег.

«Милена, посмотрел зимние позиции ещё раз. Нашёл расходы, которые совпадают с изменённой поездкой из календаря Юлии. Лучше сверить вместе, прежде чем делать выводы».

Я перечитала сообщение.

Именно последняя часть заставила задержаться.

«Прежде чем делать выводы».

Неделю назад меня бы раздражила такая осторожность.

Сегодня я была за неё почти благодарна.

Я ответила:

«Завтра утром».

Закрыла ноутбук.

На выходе остановилась возле стеклянной доски Софьи.

Жёлтые и синие стикеры больше не пытались изображать один организм.

Два собственника.

Две зоны.

Общие точки только там, где они действительно общие.

Я подумала об Асе.

Третьего июля Макар дал ей объяснение, в котором правда и ложь стояли так близко, что пятнадцатилетняя девочка не смогла их разделить.

Кира действительно работала.

Действительно была расстроена.

Он действительно её успокаивал.

И всё это вместе всё равно было ложью.

Я выключила свет.

Завтра предстояло посмотреть, сколько таких правдивых деталей Макар спрятал в декабре.

Глава 8. Декабрь

Во вторник Олег принёс мне декабрь в синей папке.

На обложке не было ни имени Киры, ни имени Макара.

Только сухое:

«Командировочные расходы. Гостиничное направление».

Мне понравилось.

Последние восемь дней я слишком часто сталкивалась с вещами, которые назывались не тем, чем являлись.

Олег сел напротив и положил рядом ноутбук.

Я папку не открыла.

Сначала посмотрела на него.

– Ты вчера написал, что расходы совпадают с изменённой поездкой Юлии.

– Да.

– И что лучше не делать выводов без сверки.

– Да.

– Почему?

Он поправил очки.

Олег выглядел так, будто ночь провёл не дома, а внутри финансовой системы М2.

– Потому что документы подтверждают расходы. Они не подтверждают мотив.

– Показывай.

Вот так было проще.

Без «ты что-нибудь подозревал?».

Без «почему не заметил?».

Без требования задним числом стать свидетелем того, свидетелем чего человек не был.

Я открыла папку.

Первый лист относился к той самой декабрьской поездке.

Рабочая программа была настоящей.

Клиент существовал.

Объект существовал.

Презентация состоялась.

Команда работала.

Кира участвовала в гостиничном блоке не как придуманное прикрытие, а как приглашённый специалист.

В этом и заключалась главная мерзость.

Если бы Макар создал фиктивный проект, подделал командировку и нарисовал несуществующих людей, всё оказалось бы проще.

Ложь можно было бы выделить красным.

Но он ничего не придумывал с нуля.

Он пользовался настоящей жизнью.

Настоящим бизнесом.

Настоящими поездками.

А личное прятал в промежутках.

Я нашла дату, которую уже видела у Юлии.

Двенадцатое декабря.

Под официальной программой стояло время окончания рабочего блока.

Ниже шло первоначальное бронирование обратного маршрута.

Я провела пальцем по строке.

– До вечера он должен был вернуться.
– Да.
Следующий документ.
Отмена.
Изменение маршрута.
Дополнительная ночь проживания.
– Заявку кто отправлял?
– Макар.
– После окончания программы?
Олег посмотрел на время.
– Да.
Я это уже знала от Юлии.
Но когда одна и та же последовательность появлялась в двух независимых системах, она переставала быть особенностью чужой памяти.
Календарь говорил одно.
Финансы говорили то же самое.
Сначала решение остаться.
Потом встреча, которой Макар объяснил мне необходимость остаться.
Я перевернула страницу.
Такси.
Ресторан.
Ещё одно такси.
Ничего необычного для человека в рабочей поездке.
– Здесь что?
Олег взглянул.
– Представительский расход.
– С кем?
– В отчёте указано «партнёры гостиничного проекта».
– Фамилии?
– Нет.
– Почему провели?
Он чуть напрягся.
– Потому что такой уровень детализации тогда не требовался.
– От кого?
– Ни от кого.
Мне не понравился ответ.
Наверное, по лицу было видно.
– Милена, – добавил Олег, – так оформлял не только Макар. И ты тоже.
Я подняла голову.
– Я?
– Конечно.
Он развернул ноутбук ко мне.
Несколько моих старых авансовых отчётов.
Ресторан после презентации.
Такси для команды.
Встреча с заказчиком.
Где-то фамилии были.
Где-то нет.

Я смотрела на собственные строки и чувствовала раздражение, которому не находилось удобной мишени.

Не на Олега.

На себя тоже не совсем.

На прежнюю М2.

На компанию, где мы двенадцать лет строили доверие так успешно, что перестали замечать, где оно заменяет контроль.

– Значит, само оформление ничего не доказывает.

– Именно.

– Но это не значит, что расход был рабочим.

– Тоже именно.

Он говорил спокойно.

Мне хотелось, чтобы хотя бы один человек за этим столом перестал быть спокойным.

Чтобы Олег посмотрел на цифры и сказал:

«Ну очевидно же».

Чтобы мне не пришлось ещё раз жить внутри этого унизительного промежутка между пониманием и доказательством.

Я перевернула следующий лист.

Чек ресторана был по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.